

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели!

Представляем вам третий номер правового журнала «Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal» (ЭЛ №ФС 77 – 64776) за 2020 год.

Этот номер открывается статьей **И.В. Зернова**, глубоко исследовавшего полномочия органов публично-правовых образований по защите прав человека и внесшего свой вклад в развитие теории конституционного права России.

Статьи **С.И. Сусловой** и **Ж.Т. Ламбаева** посвящены актуальным вопросам защиты и восстановления жилищных прав граждан. С.И. Суслова детально охарактеризовала заслуживающие внимания доводы, законные интересы и обстоятельства при разрешении жилищных споров. Ж.Т. Ламбаев обратился к новеллам законодательства о компенсации за утрату права на жилое помещение, вступившим в силу с 1 января 2020 г. Стоит отметить не только высокий уровень теоретизации, но и безусловную практическую ценность данных публикаций для правоприменительной практики.

В.Г. Татарников и **Ю.П. Никитин** представили к публикации серьезную статью по теории уголовного права о системе преступлений против личности и проблемах ее совершенствования. Авторы разработали значительный пласт проблем, связанных с порочной практикой бесконечного (а зачастую — и бездумного) процесса изменений Уголовного кодекса РФ.

Проблемам уголовного права посвящена и статья **С.В. Пархоменко** и **В.А. Демченко**, в которой очерчен круг актуальных вопросов определения субъекта преступления при причинении вреда жизни и здоровью пациентов. В данной статье не только ставятся на вид пробелы в законодательном регулировании, но и указываются правовые пути разрешения сложнейших ситуаций, связанных со сферой так называемых ятрогенных заболеваний.

Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности изучена **Н.С. Марковой** и **А.М. Бычковой**. В публикации отмечен высочайший уровень социальной опасности криминальной субкультуры, приобретающей характер национальной угрозы в условиях доступности интернет-технологий.

Ю.А. Саранова и **Ю.В. Хармаев** изложили проблемы прокурорского надзора за исполнением органами дознания и предварительного следствия требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Представленная ими статья будет интересна не только гражданам, пострадавшим от преступлений, не только представителям практической юриспруденции, но и всем, кто вникает сегодня в вопросы статистического учета преступлений.

Е.О. Мадаев обратился к анализу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в части введения термина «сенатор Российской Федерации». Выводы автора относительно непроработанности соответствующей поправки к Конституции, безусловно, могут быть рассмотрены в целях дальнейшего совершенствования законодательства.

Редакция журнала благодарит всех авторов, статьи которых сделали этот номер интересным, свежим и актуальным, а также уважаемых рецензентов, в сотрудничестве с которыми развивались научные идеи, заложенные в основу каждой работы!

Приглашаем наших читателей стать авторами дальнейших выпусков издания «Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal».

Будем искренне рады общению с вами!

Редакционная коллегия

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.25
ББК 67.400.6

И.В. Зернов,
Пензенский государственный университет
Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3011-3781
ResearcherID: AAX-7303-2020

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020 — № 3. — С. 3–9.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.1.
Дата поступления: 10 августа 2020 г.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется участие органов публично-правовых образований в реализации механизма защиты прав человека. Анализируется конституционно-правовое содержание деятельности органов власти государства, субъектов государства и муниципальных образований по вопросам защиты прав человека. Рассматриваются положения Конституции РФ, федеральных законов, основных законов субъектов РФ, нормативно-правовых актов органов местного самоуправления, содержащих полномочия органов публичной власти в исследуемой сфере. Особое внимание уделяется полномочиям Президента РФ, уполномоченных по правам человека в государстве и на территориях субъектов государства, Федерального Собрания, законодательных и исполнительных органов власти субъектов государства по вопросам защиты прав человека. Установлено, что некоторые органы публичной власти образуют специальные комиссии, которые рассматривают вопросы оказания содействия в защите прав человека. Такие комиссии функционируют преимущественно при региональных и местных органах публичной власти. Определяется перечень органов местного самоуправления, которые занимаются вопросами защиты и содействия в защите прав человека. Показаны основные способы защиты прав человека, которые реализуются органами государственной власти в Российской Федерации. Обосновывается авторская позиция по вопросам участия публично-правовых образований федерального, регионального и местного уровней в механизме защиты прав человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Права человека; органы публичной власти; Конституция РФ; государство; субъект государства; муниципальное образование; полномочия; публично-правовое образование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Зернов И.В. Полномочия органов публично-правовых образований по защите прав человека // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 3–9. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.1.

I.V. Zernov
 Penza State University
 Penza, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-3011-3781
 ResearcherID: AAX-7303-2020

PUBLIC LEGAL ENTITIES BODIES' POWERS ON PROTECTING HUMAN RIGHTS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2020. — № 3. — Pp. 3–9.
 ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.1.
 Submission date: August 8, 2020.

ABSTRACT

The article examines the public and legal entities participation in the human rights protection mechanism implementation. The article analyzes the constitutional and legal content of the state authorities, state entities and municipalities activities on the protection of human rights. The author considers the provisions of the Constitution of the Russian Federation, Federal laws, Russian Federation subjects' basic laws of the Russian Federation, normative legal acts of local self-government bodies containing the state authorities' powers in the field under study. The special attention is paid to the powers of the President of the Russian Federation, human rights commissioners in the state and in the territories of state subjects, the Federal Assembly, legislative and executive authorities of state subjects on the protection of human rights. Some public authorities form special commissions that consider issues on human rights protection assistance. Such commissions function mainly under regional and local public authorities. The author presents the list of local self-government bodies that deal with the protection and assistance in the protection of human rights, and shows the main ways of protecting human rights that are implemented by state authorities in the Russian Federation. The author substantiates his position on the participation of public legal entities at the Federal, regional and local levels in the mechanism of human rights protection.

KEYWORDS

Human rights; public authorities; Constitution of the Russian Federation; state; subject of the state; municipal formation; powers; public legal education.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zernov I.V. Public Legal Entities Bodies' Powers on Protecting Human Rights [Polnomochiya organov publichno-pravovyh obrazovaniy po zashchite prav cheloveka]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 3–9. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.1.

Вопросы обеспечения защиты прав человека занимают одну из важнейших позиций в российском конституционализме. В связи с этим Конституционная реформа 2020 года определяет поиск новых научных направлений исследования механизма реализации конституционных прав заинтересованных субъектов. Одним из них является

концепция публично-правовых образований, которая позволяет комплексно рассмотреть вопросы участия органов власти федерального, регионального и местного уровней в реализации механизма по защите прав человека. Впервые понятие публично-правовых образований было включено в положения статей Гражданского кодекса РФ, а также в матери-

алы судебной практики для обозначения участия территориальных государственных единиц в общественных отношениях (преимущественно — в частноправовых). Однако данное понятие впоследствии нашло свое отражение и в нормах федеральных законов, и в решениях Конституционного Суда РФ, что ставит вопрос о юридической отраслевой природе публично-правовых образований, а также о глубоком его исследовании в конституционно-правовых отношениях.

В юридической науке наиболее авторитетным является определение публично-правового образования как «формы организации публичного коллектива на определенной территории, имеющей публичную власть и использующей ее для регулирования общественных отношений данного публичного коллектива, являющейся юридическим лицом публичного права и несущей ответственность за действия (бездействия) своих органов и должностных лиц» [8, с. 59]. В российской юриспруденции выработана также концепция юридических лиц публичного права [6].

Реализация правоспособности публично-правовых образований происходит посредством действия института представительства, и это объясняется тем, что «правосубъектность публично-правового образования — категория мнимая, что отражено в действующем законодательстве» [1, с. 9]. Следовательно, участие государства (Российской Федерации) в реализации механизма защиты прав человека реализуется посредством деятельности главы государства (Президента РФ) и органов публичной власти, что регламентируется в законах и подзаконных актах.

Участие государства в защите прав человека. В положениях действующей Конституции РФ закреплён перечень субъектов, которые от имени государства осуществляют действия по защите прав и свобод человека.

Ключевую роль в обеспечении защиты прав человека играет Президент РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции РФ Президент РФ выступает гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Заслуживает внимания позиция С.И. Джамбулатова по поводу того, что содержание конституционно-правовой функции Президента РФ, выступающего как гарант прав и свобод человека и гражданина, до сих пор является недостаточно раскрытой (т.е. неотражающей своего истинного содержания). Единственный орган, реализующий указанную функцию главы государства, представляет собой Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам

человека. Ключевой задачей Совета является содействие Президенту РФ в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Совет должен рассматривать существующие практические ситуации в сфере законодательного регулирования и правоприменительной практики, связанные с правами человека, формировать соответствующие рекомендации по подобным вопросам [3, с. 25]. Кроме того, Президент реализует свои функции по защите прав человека путем участия в законодательном процессе федерального уровня.

Важную роль в защите прав человека в государстве играет институт омбудсмена. Под данным понятием следует понимать специально уполномоченное должностное лицо, выступающее посредником при разрешении споров в административной сфере, а также осуществляющее надзор за соблюдением основных прав и свобод человека со стороны органов публичной власти государства [9, с. 40-42].

На территории России с 1997 г. полномочия омбудсмена реализуются посредством деятельности Уполномоченного по правам человека. Законодательно регламентируются основания обжалования действий и решений органов и должностных лиц, порядок подачи жалобы, полномочия по проведению проверки по жалобе, возможные меры реагирования, которые может предпринять омбудсмен по результатам проверки. Однако полномочия не ограничиваются только рассмотрением жалоб граждан. Развитие института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации даёт основания утверждать, что наметилась тенденция расширения их прав. Например, Федеральный закон от 13 мая 2013 г. «Об уполномоченных по правам предпринимателей в Российской Федерации» даёт право уполномоченному обжаловать в судебном порядке ненормативные правовые акты органов местного самоуправления, в которых он усматривает нарушение прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Одними из задач, стоящих перед уполномоченными, являются мониторинг нарушений прав человека и гражданина, анализ причин, приведших к таким нарушениям. Для этого используется широкий арсенал средств. В их числе тесное взаимодействие с институтами гражданского общества, общественными палатами, средствами массовой информации [4, с. 40-42].

В связи с развитием механизмов по защите прав человека и усложнением обще-

ственной жизни, в стране активно развиваются профильные направления по защите прав человека: защита прав ребенка, прав предпринимателей, прав студентов и т.д. Следовательно, институт омбудсмена в России не ограничился лишь должностью Уполномоченного по правам человека, и впоследствии появились должности уполномоченных по правам человека в субъектах (их статус регулируется региональным законодательством), уполномоченных по правам ребенка (в государстве и в регионах), по правам предпринимателей (также федеральный и региональные). Дискуссионным остается вопрос о статусе Уполномоченного по правам студентов в РФ, который не закреплен отдельным федеральным законом, а исполнение его функций возложено на руководителя комиссии по делам молодежи при Минобрнауки РФ.

Наряду с названными органами, отдельными полномочиями по вопросам обеспечения и защиты прав человека наделены палаты Федерального Собрания, Прокуратура, органы юстиции, суды, а также общественные организации и объединения. Так, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации осуществляют полномочия по принятию и изданию федеральных законов, содержащих нормы-гарантии защиты прав человека в различных сферах (социальной, экономической, духовной и т.д.); органы прокуратуры осуществляют контроль за соблюдением законов и привлечение к юридической ответственности лиц, виновных в нарушении законов. Органы юстиции осуществляют регистрацию нормативно-правовых актов, выдачу документов на деятельность адвокатов и нотариусов, контроль за деятельностью органов уголовно-исполнительной системы государства и некоммерческих организаций. Суды всех уровней осуществляют правосудие по гражданском, административном, уголовном делам, а также проведение конституционного судебного процесса.

В положениях статьи 30 Российской Конституции предоставляются гарантии человеку и гражданину в защите своих нарушенных прав путем обращения за защитой в общественные организации и профсоюзы. Поэтому, в федеральном законодательстве и уставах упомянутых некоммерческих организаций содержатся основные направления деятельности в области защиты прав: анализ и сбор информации о нарушениях прав физических лиц, прием граждан и беседа по вопросам содействия в защите их прав, взаимодействие со СМИ, проведение публичных мероприятий (в целях привлечения внимания общественно-

сти к фактам нарушения прав человека), работа с жалобами, участие в нормотворческой и законопроектной деятельности.

Участие субъектов государства в защите прав человека. На уровне публично-правовых образований регионального уровня в реализации механизма по защите прав человека участвуют органы публичной власти и общественные организации. Среди них важное место отведено главе субъекта. Он принимает нормативно-правовые акты (постановления и распоряжения) по вопросам защиты прав человека, обращается к различным органам власти и правоохранительным структурам в целях содействия защиты прав заинтересованных субъектов. Также при главе субъекта образуются различные комиссии с участием представителей общественности и экспертов, которые занимаются вопросами содействия соблюдению и защите прав человека. Подобные комиссии существуют и при законодательных органах власти в соответствующих субъектах РФ.

Особое значение имеет нормотворческая деятельность на региональном уровне, которая осуществляется законодательными органами власти субъектов РФ. Основное значение регионального нормотворчества в сфере прав и свобод человека, по мнению Н.С. Бондаря, заключается в реализации положений защите прав человека на первичном уровне, детализация и акцентирование конституционных начал в статьях региональных законов и подзаконных актов. Именно в регионах происходит создание и укрепление действенного механизма защиты прав физических лиц, а также практическая реализация федеральных конституционных актов в указанной сфере [2, с. 18].

Проблемные моменты в региональном правотворческом процессе по вопросам защиты прав личности заключаются в недостаточной осведомленности региональных нормотворцев в реализации указанных направлений, в связи с чем в большинстве российских регионов происходит слепое переписывание статей федеральных нормативно-правовых актов с незначительными дополнениями и корректировками. Например, в положениях Основного закона Республики Башкортостан (в статье 19) при характеристике принципа равенства личности указано незначительное дополнение: «Никто не может нести ущерб вследствие своей инвалидности»¹. В данном

¹ Конституция Республики Башкортостан от 24 дек. 1993 г. №ВС-22/15 (ред. от 4 марта 2014 г.) // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. — 1994. — № 4, ст. 146.

случае переписывание конституционной формулировки о равенстве не имеет ни практического, ни юридического смысла, а упоминание про инвалидность добавляет путаницу и двусмыслицу в толковании конституционно установленного принципа равенства и не раскрывает смысл защиты прав инвалидов в данном субъекте государства. Применительно к этой ситуации следует привести положительный пример толкования принципа равенства, закрепленного в положениях Конституции Татарстана². В ней содержится следующее положение: «Любые формы ограничения прав и свобод либо установление преимуществ граждан по расовым, национальным и другим признакам запрещаются» (статья 29). Данная формулировка не только создает дополнительные гарантии защиты и поддержки прав человека, но и гармонично сочетается с правовыми социальными стандартами, изложенными в конституционных актах на федеральном уровне.

В целях обеспечения защиты прав человека на территории субъектов РФ на федеральном уровне законодательно рекомендовано учреждать должности уполномоченных по правам человека и по правам ребенка. Их статус устанавливается региональным законодательством. По мнению Т.Н. Москальковой, преимущества учреждения института омбудсмена на региональном уровне заключаются в географической близости, территориальной доступности региональных уполномоченных для граждан субъектов Федерации, знании ими социальной, экономической, политической, национальной, правовой и культурной специфики своих регионов, ментальных особенностей проживающих в них жителей [5, с. 4].

Правовой статус уполномоченных по правам человека в субъектах РФ регламентируется положениями федерального и регионального законодательства. Федеральным законом от 18 марта 2020 г. №48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» установлены требования к кандидатам на должность регионального омбудсмена, порядок рассмотрения жалоб от заинтересованных субъектов, содержатся сведения о его взаимодействии с органами публичной власти и общественными организациями, гарантируется участие омбудсмена в нормотворческой деятельности, в правовом просвещении населения, а также закреплено право на межрегиональное и меж-

дународное сотрудничество в области защиты прав человека³.

Компетенция регионального омбудсмена закрепляется в положениях статей закона субъекта государства. Например, полномочия Уполномоченного по правам человека в Пензенской области заключаются в следующем: 1) рассмотрение обращений по вопросам защиты нарушенных прав и свобод от заинтересованных субъектов (граждан, иностранцев, апатридов) в устной, письменной или электронной формах; 2) проведение беседы с заинтересованными субъектами в целях дачи разъяснений по способам и средствам защиты прав; 3) взаимодействие с органами публичной власти и должностными лицами посредством направления им обращений для восстановления нарушенных прав субъектов согласно компетенции властных органов; 4) сбор и анализ сведений, которые изложены в обращениях; 5) направление запросов должностным лицам органов власти для получения сведений, необходимых при устранении нарушений в правах; 6) посещение учреждений уголовно-исполнительной системы региона; 7) получение сведений от органов власти и юридических лиц в устной, письменной и электронной формах; 8) обращение в судебные органы для ознакомления с материалами дел, вступивших в силу; 9) привлечение экспертов и специалистов для получения консультаций; 10) реализация иных законных полномочий⁴.

Участие муниципальных образований в защите прав человека

В статье 18 Российской Конституции содержится информация о том, что сущность действия законодательных актов и работа органов публичной власти (в том числе органов местного самоуправления) определяется собственно гарантией и реализацией прав и свобод человека. Также из смысла конституционных норм вытекает, что органы местного самоуправления в своей сфере деятельности занимаются вопросам восстановления и содействия защите прав заинтересованных субъектов [7, с. 119].

На уровне публично-правовых образований местного уровня вопросами защиты и содействия реализации прав человека занимаются: глава муниципального образования,

³ Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ // Российская газета. — 2020. — 20 марта.

⁴ Об Уполномоченном по правам человека в Пензенской области: закон Пензенской обл. от 15 июня 2020 г. №3524-ЗПО (в ред. от 7 сент. 2020 г.) // Пензенские губернские ведомости. — 2020. — №39.

² Конституция Республики Татарстан от 6 нояб. 1992 г. (ред. от 22 июня 2012 г.) // Республика Татарстан. — 2002. — 30 апр.

представительный орган, местная администрация, контрольно-ревизионные органы, правоохранительные органы, общественные организации. Кроме того, при администрации и в образовательных учреждениях создаются комиссии и советы, которые содействуют защите конституционных прав заинтересованных субъектов. В муниципальных образовательных учреждениях созданы должности Уполномоченных по правам участников образовательного процесса, которые занимаются рассмотрением обращений учащихся и содействием в разрешении вопросов о нарушении образовательных прав детей, а также ущемлении чести и достоинства.

В целях организации взаимодействия органов местного самоуправления, выражения и защиты общих интересов муниципальных образований в каждом субъекте Российской Федерации образуется совет муниципальных образований субъекта Российской Федерации. Созданный в рамках межмуниципального сотрудничества совет муниципальных образований призван защищать интересы муниципальных образований. По мнению Е.В. Степкиной, «таковые интересы подразумевают интересы населения муниципального образования, ради

которого и образовано местное самоуправление в принципе» [7, с. 121].

Таким образом, участие публично-правовых образований в реализации механизма защиты прав человека происходит посредством деятельности органов публичной власти, их должностных лиц и общественных объединений. На территории государства существуют единоличные органы (глава государства, глава субъекта, омбудсмены), а также коллегиальные органы (контрольные органы, общественные советы, комиссии при органах власти). Особое место отведено законодательным и судебным органам в указанной сфере, которые обладают нормотворческими полномочиями и в пределах своей компетенции способны влиять на развитие конституционного законодательства в сфере защиты прав человека. Кроме того, с развитием гражданского общества возрастает роль общественных институтов по защите прав человека, способных взаимодействовать с органами публичной власти и оказывать им содействие в реализации защиты конституционных прав и свобод человека на федеральном, региональном и местном уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов А.М. Публично-правовые образования в контексте проблем теории субъектов права // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. — 2019. — №4. — С. 5–11.
2. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Регулирование и защита прав человека и гражданина в России: проблема разграничения правотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Журнал российского права. — 2017. — №5. — С. 17–27.
3. Джамбулатов С.И. Участие органов президентской власти в защите прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — №3. — С. 23–26.
4. Малый А.Ф., Агишев Р.А. Комиссия и Уполномоченный по правам человека как часть правозащитного механизма государства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2019. — №3 (51) . — С. 37-45.
5. Москалькова Т.Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 1. — С. 4-7.
6. Романовская О.В. О юридических лицах публичного права // Гражданин и право. — 2015. — № 5. — С. 29-40.
7. Степкина Е.В. Конституционно-правовые параметры участия органов местного самоуправления в защите прав личности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — №6. — С. 119-122.
8. Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. — М.: Норма, 2011. — 336 с.
9. Шамрин М.Ю., Мигачева Е.В. Административно-правовые механизмы защиты прав человека в зарубежных государствах // Административное право и процесс. — 2017. — № 9. — С. 50–53.

REFERENCES

1. Borisov A.M. Public Law Entities and the Theory of the Subjects of Law [Publichno-pravovye obrazovaniya v kontekste problem teorii sub»ektov prava]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Immanuel Kant Baltic Federal University Vestnik: The Humanities and Social Science*. 2019. Issue 4. Pp. 5-11. (In Russ.).
2. Velieva D.S., Presnyakov M.V. Regulation and Protection of Human and Citizen Rights in Russia: a Problem of Differentiation of Law-Making Powers between the Russian Federation and its Subjects [Regulirovanie i zashchita prav cheloveka i grazhdanina v Rossii: problema razgranicheniya pravotvorcheskih

polnomochij mezhdu Rossijskoj Federacii i ee sub»ektami]. *Zhurnal russijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2017. Issue 5. Pp. 17-27. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_58f48b49401193.76299514.

3. Djambulatov S.I. The Participation of the Authorities of Presidential Power in the Protection of the Rights and Freedoms of Human and Citizen [Uchastie organov prezidentской vlasti v zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina]. *Probely v russijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. 2015. Issue 3. Pp. 23-26. (In Russ.).

4. Malyy A.F., Agishev R.A. The Commission for Human Rights and the Ombudsman as a Part of the State Advocacy Mechanism [Komissiya i Upolnomochennyj po pravam cheloveka kak chast' pravozashchitnogo mekhanizma gosudarstva]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki – University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2019. Issue 3. Pp. 37-45. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2019-3-4

5. Moskalkova T.N. On Improvement of Legislative Support of the Activities of Human Rights Commissioners in the Constituent Entities of the Russian Federation [O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo obespecheniya deyatel'nosti upolnomochennyh po pravam cheloveka v sub»ektah Rossijskoj Federacii]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2018. Issue 1. Pp. 4-7. (In Russ.).

6. Romanovskaya O.V. About Legal Entities of Public Law [O yuridicheskikh lichah publichnogo prava]. *Grazhdanin i pravo – Citizen and Law*. 2015. Issue 5. Pp. 29-40. (In Russ.).

7. Stepkina E.V. Constitutional and Legal Options for Participation Local Authorities in the Protection of Individual Rights [Konstitucionno-pravovye parametry uchastiya organov mestnogo samoupravleniya v zashchite prav lichnosti]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal – Business in Law*. 2013. Issue 6. Pp. 119-122. (In Russ.).

8. Chirkin V.E. Public Law Formation [*Publichno-pravovoe obrazovanie*]. Moscow, 2011. 336 p. (In Russ.).

9. Shamrin M.Yu., Migacheva E.V. Administrative Law Mechanisms of Human Right Protection in Foreign States [Administrativno-pravovye mekhanizmy zashchity prav cheloveka v zarubezhnyh gosudarstvah]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure*. 2017. Issue 9. Pp. 50-53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зернов Илья Владимирович (Пенза) — аспирант кафедры «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета (440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, корп. 5, e-mail: serega.beglov@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zernov, Ilya V. (Penza) — Postgraduate Student, Department «State and Legal Disciplines», Penza State University (Krasnaia str., 40/5, Penza. 40026, e-mail: serega.beglov@yandex.ru).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.12, 347.94
ББК 67.404.06, 67.410.104

С.И. Сулова,
*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(ППА Минюста России)
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7487-6879
ResearcherID: R-7761-2016*

ЗАСЛУЖИВАЮЩИЕ ВНИМАНИЯ ДОВОДЫ, ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ СПОРОВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 10 — 16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.2.
Дата поступления: 15 июля 2020 г.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются законодательно закрепленные ситуации, в которых судам предоставлено право учесть заслуживающие внимания доводы, обстоятельства и законные интересы ответчика и отклонить на этом основании законные притязания истца. На основе анализа складывающейся судебной практики в сфере принудительного обмена жилого помещения по договору социального найма, делается вывод об отсутствии единообразия в понимании критериев учета указанных обстоятельств, доводов и законных интересов. Иллюстрируется подход правоприменительных органов иностранных государств по данному вопросу. Обращается внимание на незначительность судебной практики по применению ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в части сохранения права проживания бывшего члена семьи собственника в жилом помещении на определенный решением суда срок, что не позволяет в полной мере сформулировать подход к определению заслуживающих внимания обстоятельств в контексте указанной нормы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Жилищные споры; законные интересы; заслуживающие внимания обстоятельства, доводы и интересы; принудительный обмен; бывший член семьи собственника жилого помещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Сулова С.И. Заслуживающие внимания доводы, законные интересы и обстоятельства при разрешении жилищных споров // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 10 — 16. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.2.

ПРОЛОГ:

**ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /
PROLOGUE:
LAW JOURNAL**

Suslova S.I. Noteworthy Arguments, Legitimate
Interests and Circumstances in the Housing Disputes
Resolution

S.I. Suslova

Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7487-6879
ResearcherID: R-7761-2016

NOTEWORTHY ARGUMENTS, LEGITIMATE INTERESTS AND CIRCUMSTANCES IN THE HOUSING DISPUTES RESOLUTION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2020. — № 3. — Pp. 10 – 16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.2.
Submission date: July 15, 2020.

ABSTRACT

The article examines the legally established situations in which the courts are granted the right to take into account the arguments, circumstances and legitimate interests of the defendant and on this basis to reject legal claims of the plaintiff. Based on the analysis of the current judicial practice in the field of forced exchange of residential premises under a social lease agreement, the author concludes that there is no uniformity in understanding the criteria for taking into account these circumstances, arguments and legitimate interests. The author illustrates the approach of foreign law enforcement agencies on this issue, and draws attention to the insignificance of judicial practice on the application of part 4 of article 31 of the Housing Code of the Russian Federation regarding the preservation of the right of an owner's former family member residence in the residential premises for the period defined by a court's decision, which does not allow to fully formulate an approach to the definition of the relevant circumstances in the context of this provision.

KEYWORDS

Housing disputes; legitimate interests; noteworthy circumstances, arguments and interests; forced exchange; residential premises owner's former family member.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Suslova S.I. Noteworthy Arguments, Legitimate Interests and Circumstances in the Housing Disputes Resolution [Zasluzhivayushchie vnimaniya dovody, zakonnyye interesy i obstoyatel'stva pri razreshenii zhilishchnyh sporov]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 10 – 16. (In Russ.) DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.2.

Норма права, традиционно понимаемая как своеобразная мера *равного масштаба, применяемая при оценке поведения разных людей* [1, с. 569], не может учесть все особенности каждой индивидуальной жизненной ситуации. Именно поэтому в нормах частного права, пусть и не так часто, но встречаются указание на то, что учет судом отдельных доводов, законных интересов и обстоятельств может повлиять на итоговое решение в спорных ситуациях. Другими словами, происходит отход от «равного масштаба», и в схожих фак-

тических обстоятельствах дела решение судов могут кардинально отличаться. Рассмотрим данные ситуации применительно к разрешению жилищных споров.

В нормах жилищного законодательства такое правовое регулирование предусмотрено в следующих случаях:

1. заслуживающие внимания доводы и законные интересы должны учитываться судом применительно к возражениям, которые могут выдвинуть наниматель или член семьи нанимателя по договору социального найма

при предъявлении требования о принудительном обмене (ст. 72 ЖК РФ);

2. заслуживающие внимания обстоятельства должны быть оценены судом при предъявлении иска о сохранении права пользования жилым помещением на определенный срок за бывшим членом семьи собственника жилого помещения (ст. 31 ЖК РФ)¹.

Остановимся на указанных случаях более подробно.

Первая из названных ситуаций достаточно давно известна российскому правопорядку: правомерному требованию о принудительном обмене противопоставляются доводы и законные интересы тех, кто не желает уезжать из данного жилого помещения. Такие конфликтные ситуации, как правило, возникают в случае невозможности совместного проживания нанимателя, членов семьи и бывших членов его семьи, а потому суды должны внимательно оценивать приведенные аргументы для отказа в иске о принудительном обмене. Принудительный обмен позволяет участникам жилищных отношений возможность заключить самостоятельные договоры социального найма на разные жилые помещения. В случае отказа от удовлетворения таких требований, суд, защитив законные интересы одной стороны, оставляет участников отношений в неразрешимой конфликтной ситуации: стороны не могут разъехаться, и вынуждены проживать совместно.

В п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. №14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что к таким доводам и законным интересам следует отнести обстоятельства, препятствующие лицам в силу возраста, состояния здоровья, места работы, учебы и т.п. пользоваться предоставляемым в порядке обмена жилым помещением. С доктринальной точки зрения считать законным интересом определенное жизненное обстоятельство, не являясь правильным, однако, не будем упрекать в этом высшую судебную инстанцию, задача которой была определить ори-

¹ Заметим, что в нормах ГК РФ лишь дважды упоминается о заслуживающих внимания доводах и обстоятельствах. Это ст. 35 ГК РФ, в которой закреплено, что при наличии заслуживающих внимания обстоятельств опекун или попечитель может быть назначен органом опеки и попечительства по месту жительства опекуна (попечителя), а также ст. 151 ГК РФ о компенсации морального вреда, в которой зафиксировано, что при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

ентиры для разрешения жилищных споров. Вместе с тем, признать эти ориентиры достаточными и эффективными нельзя. И все дело, как раз в доктринальном несоответствии: на одной чаше весов субъективное право на принудительный обмен, а с другой — законный интерес жить там, где мне удобно и комфортно. И субъективное право, и законный интерес базируются на основополагающих конституционных правах: праве на жилище (ст. 40 Конституции РФ) и праве на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства (ст. 27 Конституции РФ). Согласимся, что и в том и в другом случае перед нами «равновеликие величины»: каждый выбирает, где ему проживать. Вместе с тем, лицо, желающее осуществить принудительный обмен, защищает и еще одно свое субъективное право, которое не имеет собственного наименования в Конституции РФ, но опосредованно выводится из таких прав как право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), а также права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23).

Разъяснение Верховного Суда РФ о том, что доводы о наличии препятствий в пользовании предлагаемого к обмену жилым помещением, которые должны основываться на объективных, а не субъективных оценках, трактуется сегодня в следующем русле: «В таких случаях ответчику необходимо убедить суд в том, что обмен явным образом негативно скажется на качестве его жизни»². Другими словами, препятствие в пользовании понимается не как объективная невозможность, а как субъективная оценка ответчиком удобства своего проживания в новом жилом помещении. Более того, отсутствие понимания, что же подлежит в данном случае защите и чьи интересы в большей степени ущемляются в данной ситуации, приводит к следующим выводам судов: ссылка истца на то, что совместное проживание в указанной квартире с ответчиком стало невозможным по причине несовместимости характеров и взглядов, различия жизненных позиций, отсутствия взаимопонимания, утраты уважения и доверия, финансовых разногласий, сама по себе является лишь факультативным признаком и, как следствие, не относится к обязательному признаку, при котором суд, действуя из баланса интересов сторон, обязан произвести обмен жилого помещения³.

² Спор о принудительном обмене жилыми помещениями (на основании судебной практики московского городского суда) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Московского городского суда от 18 апр. 2019 г. № 4г-4440/19 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

Рассмотрим некоторые примеры, в которых происходит оценка судами заслуживающих внимания доводов и законных интересов.

Так, в Апелляционном определении от 14 мая 2015 г. №33-16101 Московского городского суда поддержано решение суда первой инстанции, в соответствии с которым требование о принудительном обмене было удовлетворено. Судами было установлено, что ответчик, возражающий против принудительного обмена, сменил замки, проживал в помещении один, пользуясь всей площадью, предложенные различные варианты обмена отвергал, собственных вариантов для обмена не предлагал. Истица указывала, что проживание с ответчиком в одной квартире невозможно, а неоднократные обращения в органы внутренних дел, в орган опеки и попечительства с просьбами оказать содействие, с просьбами о помощи в реализации права проживать и пользоваться квартирой, в которой зарегистрирована с ребенком, результата не дали. Суды не приняли во внимание доводы ответчика об удаленности нового места жительства от места работы, а также о том, что обмениваемая квартира подлежит сносу, а значит, в ближайшее время ему будет предоставлено другое жилое помещение. В итоге, суды констатировали, что при таком обмене ущемления прав ответчика не имеется, так как площадь, на которую он подлежит выселению, больше, чем он занимает в спорной квартире⁴.

Отрицательные решения судов по искам о принудительном обмене, как отмечается в специальных источниках, встречаются значительно чаще. Основным доводом к отказу выступает факт ухудшения жилищных условий, который не имеет законодательной дефиниции и трактуется судами «собираательно», исходя из многих положений жилищного законодательства и отдельных разъяснений высшей судебной инстанции⁵. В частности, к такому ухудшению относят уменьшение жилой площади⁶, удаленность нового жилья от социальных объектов (детских

садов, школ, медучреждений и т.д.) и остановок общественного транспорта, ветхость жилищного фонда, отсутствие удобств (лифта, мусоропровода) и т.д.⁷. Безграничность судейского усмотрения в данном случае ограничена, по сути, лишь одним фактором: нельзя считать ухудшением жилищных условий переезд из индивидуальной квартиры в комнату в коммунальной квартире, «поскольку при распаде семьи, повлекшем необходимость обмена, данные лица фактически уже не пользуются отдельной квартирой»⁸.

Подводя итог рассмотрению законодательно закрепленной возможности учета судами заслуживающих внимания доводов и законных интересов применительно к требованиям о принудительном обмене, сформулируем основные выводы:

— субъективное право на принудительный обмен предоставлено с целью защиты неимущественного интереса, основанного на невозможности (по субъективным или объективным причинам) проживать совместно с ответчиком;

— законный интерес ответчика, подлежащий защите, основан на имущественных притязаниях по сохранению прежних условий проживания, основанных на противопоставлении с новыми обстоятельствами, объективно ухудшающими его уровень жизни в связи с переездом;

— отказывая в удовлетворении иска о принудительном обмене, суды должны понимать, что оставляют стороны в состоянии неразрешимого конфликта, вынуждая проживать вместе лиц, переставших быть членами одной семьи;

— оценивая ухудшение жилищных условий, необходимо принимать во внимание фактически сложившийся порядок пользования, а не гипотетический размер жилого помещения, получающийся в процессе математического деления площади квартиры на количество членов семьи. При этом норма предоставления в соответствующем населенном пункте должна быть выдержана.

Данный вывод основан на нескольких аргументах. Во-первых, речь идет о договоре социального найма, а не о праве собственности на жилое помещение. Поэтому, при предоставлении жилого помещения государство

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 14 мая 2015 г. № 33-16101 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 14 янв. 2019 г. по делу № 33-743/2019; Апелляционное определение Московского городского суда от 12 июля 2018 г. по делу № 33-30965/2018 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ В частности, речь идет о предоставлении жилого помещения, размер площади которого на каждого члена семьи составит менее учетной нормы: Определение Московского областного суда от 13 дек. 2011 г. по делу № 33-24932/11 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Спор о принудительном обмене жилыми помещениями (на основании судебной практики московского городского суда) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ П. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 9.

обязано обеспечить каждого члена семьи на каждого не менее нормы предоставления. Во-вторых, фактическое пользование, складывающееся при распаде семьи, учитывается судебной практикой при признании допустимости предоставления комнаты в коммунальной квартире. Не видим препятствий к тому, чтобы учитывать сложившийся порядок пользования и при определении площади того помещения, которое предоставляется при принудительном обмене, с учетом законодательного требования о норме предоставления.

— баланс интересов сторон, о котором неоднократно упоминается в судебных решениях, применительно к принудительному обмену, означает не только выяснение доводов ответчика, но и оценку доводов истца, поскольку его интерес основан на закреплённом субъективном праве, в защите которого не может быть отказано на основе лишь учета интересов нежелающего переезжать ответчика.

Интересно в свете изучаемой практики, привести пример схожих конструкций в зарубежных правовых порядках. Верховный Суд Германии разбирался в делах, в которых ставился вопрос о расторжении договоров аренды жилых помещений со стороны собственника, которому жилое помещение было необходимо для собственного проживания, а арендаторы возражали против расторжения, ссылаясь на «неприемлемость для них такого расторжения». По одному из дел⁹, суд иск о выселении отклонил. Расторжение договора для собственных нужд было признано обоснованным, но в силу неприемлемости для ответчицы такого расторжения суд решил, что арендные отношения должны быть продлены на неопределённый срок. В основе аргументации суда лежали такие заслуживающие внимания обстоятельства, как: переезд ответчицы в ее возрасте, смена привычной для нее среды проживания, а также заболевание старческой деменцией делают расторжение договора аренды для нее неприемлемым. Согласно заключению врача ответчица страдает деменцией, которая прогрессирует последние 1-2 года и она с трудом может ориентироваться и находить дорогу в новой обстановке, поэтому переезд мог бы сопровождаться ухудшением состояния ее здоровья. Во втором деле¹⁰ при аналогичной аргументации арендатора, ссылавшегося на

болезнь (деменция, алкоголизм), нуждаемость в социальном уходе, на наличие заключения врача о том, что вынужденный переезд мог бы значительно ухудшить его состояние здоровья, нижестоящие инстанции признали расторжение договора для собственных нужд и иск о выселении обоснованными. Доводы ответчика о неприемлемости расторжения договора аренды суды отклонили, посчитав, что в данном случае нет оснований ожидать существенного ухудшения здоровья или угрозы смерти.

Отправляя оба дела на новое рассмотрение для дополнительного выяснения обстоятельств, Верховный Суд Германии сформулировал следующие важные для нашего исследования выводы. Во-первых, судам необходимо выяснить наличие оснований неприемлемости расторжения договора аренды, констатируя, что поскольку как на стороне истцов, так и на стороне ответчиков имеются подлежащие защите конституционные права (собственность, здоровье), необходимо всеобъемлющее выяснение обстоятельств, а также тщательное взвешивание интересов сторон для определения того, чьи интересы перевешивают в каждом конкретном случае. Во-вторых, высшая судебная инстанция указала на необходимость отказа от использования обобщенных критериев, таких, как, например, определенный возраст или длительность арендных отношений. Возраст и привычка к определенному району могут иметь для разных людей различное значение и поэтому сами по себе не могут говорить о факте неприемлемости вынужденного переезда.

Подобной скрупулезности при учете конкретных жизненных обстоятельств стоит рекомендовать и российским судам.

Обращаясь ко второй ситуации, поименованной в нормах жилищного законодательства и допускающей учет заслуживающих внимания обстоятельств, следует отметить, что применение ч. 4 ст. 31 ЖК РФ практически остановилось в последние годы. Применительно к рассматриваемому случаю, прокомментируем, что подобное положение вещей достаточно легко прогнозировалось и вызвано непоследовательными решениями законодателя, на что нами неоднократно обращалось внимание [2; 3]. Суть проблемы заключается в следующем. Бывший член семьи, не имея возможности проживать в другом жилом помещении, вправе обратиться в суд с требованием о сохранении права проживания в квартире собственника на определенный срок. Суд, учитывая поименованные в ЖК обстоятельства (отсутствуют основания приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением, имущественное положение бывшего

⁹ Дело VIII ZR 180/18 // Дайджест новостей российского и зарубежного частного права. — Вып. №70. — 2019 г.

¹⁰ Дело VIII ZR 167/17 // Дайджест новостей российского и зарубежного частного права. — Вып. №70. — 2019 г.

члена семьи собственника жилого помещения), а также иные заслуживающие внимания обстоятельства, может принять решение о сохранении права проживания на определенный срок. Вместе с тем, данное право, установленное судом, прекращается в том случае, если право собственности на указанное помещение переходит к другому лицу. Другими словами, в конфликтной ситуации, когда собственник желает выселить бывшего члена семьи, а суд сохраняет за последним право проживания на определенный срок, собственнику достаточно зарегистрировать переход права собственности на жилое помещение за другим лицом (например, подарить квартиру своим родителям), и решение суда о сохранении права пользования уже не будет иметь никакого юридического значения.

Ради справедливости, отметим, что отдельные положительные судебные решения для бывших членов семьи собственника жилого помещения, имеют место. Так, апелляционным определением Московского областного суда от 19.03.2013 года по иску о признании утратившим право пользования служебным жилым помещением, снятии с регистрационного учета за ответчиком сохранено право пользования квартирой на срок 1,5 года, по истечении данного срока он подлежит снятию с регистрационного учета по данному адресу, поскольку доводы ответчика о нуждаемости в спорном жилом помещении, а также о невозможности из-за недостатка денежных средств обеспечить себя иным жилым помещением, заслуживают внимания¹¹. Более того, суды необоснованно возлагают обязанность доказывания отсутствия заслуживающих внимания обстоятельств на истца: в удовлетворении исковых требований в части выселения из квартиры отказано, так как истцом не представлено доказательств того, что у ответчика имеются основания приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением, тогда как его имущественное положение и другие заслуживающие внимания обстоятельства не позволяют ему обеспечить себя иным жилым помещением, в связи с чем ответчику продлен срок пользования спорным жилым помещением¹².

¹¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 19 марта 2013 г. по делу №33-6328/13 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс». Обратим внимание, что ЖК РФ распространяет ч. 4 ст. 31 ЖК РФ на членов семьи нанимателя служебного жилого помещения.

¹² Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 10 июля 2014 г. по делу №33-9666/2014 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, незначительность применения ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в части сохранения права проживания в жилом помещении за бывшим членом семьи на определенный срок, не дает в полной мере оценить содержание, вкладываемое судами в термин «заслуживающие внимание обстоятельства», применительно к анализируемому случаю. Но очевидно, что речь не должна идти об имущественном положении и факте отсутствия другого жилого помещения, так как данные причины поименованы в ст. 31 ЖК РФ наряду с иными заслуживающими внимания обстоятельствами. Вероятнее всего, речь идет о болезни самого бывшего члена семьи или его близких родственников, тяжелом стечении жизненных обстоятельств, которые препятствуют переезду или приобретению прав на другое жилое помещение.

Помимо указанных случаев, в которых судам предоставлена значительная свобода в трактовке заслуживающих внимания обстоятельств, в нормах жилищного и гражданского законодательства, регулирующих жилищные отношения, нередко указаны различного рода обстоятельства, которые являются «извинительными» и заслуживающими внимания для разрешения того или иного спора. Например, решение не сдавать никому свое жилое помещение по договору коммерческого найма на срок не менее года, является уважительной причиной для отказа в пролонгации договора с прежним нанимателем на новый срок. Интересно, что данное правило, прямо закрепленное в нормах российского законодательства, которое можно признать вполне логичным, лишь только обсуждается, например, в праве Великобритании. Так, предлагается отменить в будущем ст. 21 Закона о жилье 1988 года (Housing Act 1988), которая позволяет арендодателю отказаться без объяснения причин от продолжения арендных отношений и потребовать освободить арендованное имущество после окончания срока аренды при условии, что он предварительно уведомил арендатора за 2 месяца до выселения. Предполагается, что после внесения изменений в законодательство арендодатель обязан будет указать конкретную причину (например, нарушение договора арендатором, желание арендодателя самостоятельно использовать сданное в аренду имущество).

В завершении исследования вопроса об учете конкретных жизненных обстоятельств, а также законных интересов при разрешении жилищных споров следует отметить, что российская правоприменительная практика не выглядит устоявшейся и однозначной. Вы-

скажем надежду, что приведенные в рамках данной работы оценки и сформулированные выводы привлекут внимание исследователей

к обозначенной проблематике и послужат основой для продолжения обсуждения указанных вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб. В 2 т. Т. 2 Право. — М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. — 656 с.
2. Сулова С.И. Анализ состояния современного жилищного законодательства и дальнейших перспектив его развития // Жилищное право. — 2009. — № 8. — С. 94-101.
3. Сулова С.И. Правовое регулирование правового положения лиц, не являющихся собственниками и нанимателями жилых помещений // Жилищное право. — 2006. — № 12. — С. 58-62.

REFERENCES

1. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law [*Problemy obshchej teorii gosudarstva i prava*]. Moscow, 2007. 656 p. (In Russ.).
2. Suslova S.I. Analysis of the state of modern housing legislation and further prospects for its development [*Analiz sostoyaniya sovremennogo zhilishchnogo zakonodatel'stva i dal'nejshih perspektiv ego razvitiya*]. *Zhilishchnoe pravo – Housing law*. 2009. Issue 8. Pp. 94-101. (In Russ.).
3. Suslova S.I. Legal regulation of the legal status of persons who are not owners and tenants of residential premises [*Pravovoe regulirovanie pravovogo polozheniya lic, ne yavlyayushchihsya sobstvennikami i nanimatelyami zhilyh pomeshchenij*]. *Zhilishchnoe pravo – Housing law*. 2006. Issue 12. Pp. 58-62. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сулова Светлана Игоревна (Иркутск) — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе. Иркутский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: svetsuslova@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suslova, Svetlana I. (Irkutsk) — Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law and Process, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Nekrasov st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: svetsuslova@yandex.ru).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.2/3
ББК 67.404.16

Ж.Т. Ламбаев,
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4530-8995
ResearcherID: AAY-3332-2020

О КОМПЕНСАЦИИ ЗА УТРАТУ ПРАВА НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020 — № 3. — С. 17 — 23.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.3.
Дата поступления: 10 августа 2020 г.

АННОТАЦИЯ

Помимо возмещения убытков, представляющих собой меру гражданско-правовой ответственности, закон предусматривает денежную компенсацию, выплачиваемую добросовестному приобретателю — гражданину в связи с истребованием у него жилого помещения собственником по виндикационному иску. Исходя из поставленной автором задачи, в статье анализируется механизм денежной компенсации по действующему закону о государственной регистрации недвижимости, выявляются характерные его черты. Данный институт рассматривается с позиций российского регистрационного законодательства в сравнении с аналогичным институтом позитивной регистрационной системы. Автор приходит к выводу о том, что в основе механизма денежной компенсации лежит стремление укрепить публичную достоверность реестра прав, повысить доверие граждан к данным Единому государственному реестру недвижимости. Указывается, что рассматриваемая денежная компенсация носит социальный и публично-правовой характер. Следствием этих обстоятельств является ограниченное применение денежной компенсации и ее малоприменимость на практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Денежная компенсация; государственная регистрация недвижимости; защита гражданских прав; возмещение убытков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Ламбаев Ж.Т. О компенсации за утрату права на жилое помещение // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 17 — 23. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.3.

Z.T. Lambaev,
Dorji Banzarov Buryat state University
Ulan-Ude,
Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4530-8995
ResearcherID: AAY-3332-2020

ON COMPENSATION FOR LOSS OF THE RIGHT TO HOUSING

PUBLICATION DATA Prologue: Law Journal. — 2020. — № 3. — Pp. 17–23.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.3.
Submission date: August 10, 2020.

ABSTRACT In addition to compensation for losses that constitute a measure of civil liability, the law provides for monetary compensation to be paid to a bona fide acquirer — a citizen in connection with the owner’s claim for residential premises in a vindication claim. Based on the task set by the author, the article analyzes the mechanism of monetary compensation under the current law on state registration of real estate, identifies its characteristic features. This Institute is considered from the point of view of the Russian registration legislation in comparison with the similar Institute of the positive registration system. The author concludes that the mechanism of monetary compensation is based on the desire to strengthen the public reliability of the register of rights, to increase the confidence of citizens in the data of the Unified state register of real estate. The author points out that the monetary compensation under consideration is of a social and public-legal nature. The consequence of these circumstances is the limited use of monetary compensation and its low applicability in practice.

KEYWORDS Monetary compensation; state registration of real estate; protection of civil rights; compensation for losses.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION Lambaev Z.T. On Compensation for Loss of the Right to Housing [О компенсации за утрату права на жилое помещение]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 17–23. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.3.

1. Федеральный закон от 2 августа 2019 №299-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»», вступивший в силу с 1 января 2020 г. пополнил российское законодательство об обороте недвижимости еще одним средством защиты прав участников оборота недвижимости — денежной компенсацией, выплачиваемой приобретателю в связи с истребованием у него жилого помещения¹.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»: федер. закон от 2 авг. 2019 г. №299-ФЗ // Российская газета. — 2019. — 7 авг.

Таким образом, наряду с традиционным средством защиты — возмещением причиненных незаконными регистрационными действиями убытков — закон предусматривает дополнительный механизм, не являющийся мерой ответственности регистрирующего органа, но являющийся мерой защиты, предоставляемой приобретателю от имени государства. Указанный Закон был принят во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015 г. №13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина».

Напомним, что в утратившем силу Федеральном законе от 21 июля 1997 г. №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» существовала ст. 31.1, устанавливавшая, что собственник жилого помещения, который не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также добросовестный приобретатель, от которого было истребовано жилое помещение, имели право на разовую компенсацию за счет казны Российской Федерации. Компенсация выплачивалась в случае, если по не зависящим от указанных лиц причинам в соответствии с вступившим в законную силу решением суда о возмещении им вреда, причиненного в результате утраты указанного жилья, взыскание по исполнительному документу не производилось в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению. Размер данной компенсации исчислялся из суммы, составлявшей реальный ущерб, но не мог превышать 1 млн рублей.

Как указал Конституционный суд РФ, государство в указанном случае выступает не как сторона в отношениях юридической ответственности, не как причинитель вреда (что требовало бы полного возмещения причиненного вреда) и не как должник по деликтному обязательству, а как публичная власть, организующая систему компенсации за счет казны Российской Федерации собственникам жилого помещения, которые не могут его истребовать от добросовестных приобретателей, и добросовестным приобретателям, от которых было истребовано жилое помещение².

Здесь следует отметить, что в различных системах оборота недвижимости вопрос о защите прав пострадавшей стороны решается различными способами: в одних правопорядках эта цель достигается возложением ответственности на регистратора, в других — за счет возложения ответственности на нотариуса, удостоверившего соответствующую сделку, в третьих — за счет выплаты средств из специальных (страховых) фондов. В качестве одного из способов решения проблемы также следует назвать страхование титула, используемое в некоторых правопорядках, в

частности, там, где регистрационный режим отсутствует вовсе.

В настоящее время российское законодательство допускает одновременно несколько мер: (а) возмещение убытков за счет казны Российской Федерации, (б) возмещение убытков нотариусом (в том числе по договору страхования ответственности последнего), а также (в) выплату вышеназванной денежной компенсации.

К слову, несмотря на то, что механизм денежной компенсации был предусмотрен предыдущим законом о государственной регистрации в ст. 31.1 ранее действовавшего Закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», за все время его существования практика выплаты компенсаций не получила широкого распространения. По данным, приводимым А.Н. Латыевым, ст. 31.1 предыдущего Закона о госрегистрации за восемь лет своего действия была применена всего восемь раз [4, с. 100 и след.].

Общий способ, то есть возмещение казной убытков за незаконные регистрационные действия (бездействие) на практике также трудноосуществим, поскольку для его реализации потерпевшему для возмещения убытков приходится доказывать целую совокупность обстоятельств: противоправность (незаконность) действий регистратора, наличие его вины, причинной связи и т.д.

Возмещение убытков нотариусами на практике также встречается крайне редко хотя бы потому, что действующее законодательство не предусматривает обязательность нотариальной формы для большинства совершаемых в обороте сделок с недвижимостью (сюда, прежде всего, относится договор купли-продажи жилого помещения). С учетом этого, несмотря на «комплексность» предпринятых мер, эффективной системы возмещения пострадавшим участникам оборота недвижимости до сих пор не сложилось.

Предваряя характеристику механизма компенсации по российскому праву, следует отметить, что в существующих регистрационных системах возможны две модели организации компенсации с государства: а) модель ответственности регистратора и б) модель indemnity (эту модель можно условно обозначить в качестве страховой) [1, с. 221]. Безусловно, российское право, с его негативной системой регистрации («зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке»), стоит на началах первой модели, при которой потерпевшее от регистрации лицо взыскивает убытки с казны.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина: Постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015 г. №13-П // Российская газета. — 2015. — 16 июня.

Однако, введение денежной компенсации, как может показаться на первый взгляд, делает из существующего порядка своеобразный гибрид обеих систем: возможно как взыскание убытков, так и взыскание компенсации.

2. Механизм, заложенный законодателем в ст. 68.1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ в редакции от 13 июля 2020 г. «О государственной регистрации недвижимости»³ охватывает следующую последовательность жизненной ситуации: (а) гражданин добросовестно приобрел жилое помещение от неуправомоченного отчуждателя; (б) жилое помещение было истребовано у него собственником по виндикационному иску; (в) приобретатель предъявил иск о возмещении убытков и соответствующее решение суда вступило в силу; (г) истец предъявил к взысканию исполнительный документ, но взыскание было произведено частично или не производилось в течение шести месяцев со дня его предъявления к исполнению; (д) приобретатель предъявил иск к Российской Федерации о выплате ему компенсации.

Отсюда выявляются специфические черты рассматриваемой юридической конструкции. Во-первых, обращает на себя внимание то, что компенсация положена лишь приобретателю. Стоит отметить, что в правопорядках с позитивной регистрационной системой (в частности, в системе Торренса) компенсация, напротив, выплачивается прежнему собственнику, утратившему свое право и не имеющему возможность истребовать недвижимость обратно. Аналогичным образом, по предыдущему закону о госрегистрации право на компенсацию также полагалось отчуждателю жилого помещения, по независящим от него причинам лишившемуся возможности истребовать свое имущество у добросовестного приобретателя. Нынешний же закон защищает именно приобретателя, у которого собственник истребовал вещь в порядке виндикации. Для собственника же, лишившегося возможности истребовать имущество назад, остается возмещение убытков по правилам ст. 66 Закона о госрегистрации.

Исходя из формального толкования ст. 68.1 Закона о госрегистрации недвижимости, возмездность (безвозмездность) приобретения значения не имеет. Отсюда возникает вопрос о допустимости предъявления исков о

выплате компенсации одаряемым, наследником и т.д., поскольку и на их стороне возникают убытки в виде утраты жилого помещения. Однако, обратное утверждение — об отказе безвозмездному приобретателю в присуждении компенсации — может быть обосновано отсылкой ст. 68.1 Закона о госрегистрации к ст. 302 ГК РФ⁴, в которой говорится лишь о возмездных приобретателях. Впрочем, при подобном толковании указание закона на репутацию добросовестности также излишне. Тем не менее, отказ в выплате компенсации безвозмездному приобретателю может быть обоснован применением аналогии права, то есть исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости, ибо выплата компенсации добросовестному безвозмездному в этом случае не более справедлива, чем оставление у него спорной вещи. Следовательно, нужно заключить, что ст. 68.1 Закона о госрегистрации применима лишь в ситуации добросовестного и возмездного приобретения вещи, выбывшей от собственника против или помимо его воли.

Говоря о субъекте права на компенсацию, следует также предположить, что закон не исключает множественность на стороне приобретателя, например, если приобретателями являются супруги или сонаследники. В этом случае денежная компенсация, как следует предположить, присуждается совместным приобретателям на долевых началах.

Во-вторых, особенность рассматриваемой концепции состоит в том, что в ней речь идет об утрате исключительно жилого помещения. Напомним, что по статье 68 Закона о госрегистрации, так и не вступившей в законную силу⁵, компенсация распространялась лишь на случаи истребования у приобретателя единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения. В настоящее время этого не требуется. В то же время, нежилые помещения изъяты из правил о компенсации, что подтверждает стремление законодателя обеспечить наиболее важные имущественные интересы граждан.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 16 дек. 2019 г., с изм. от 12 мая 2020 г.) // СЗ РФ. — 1994. — № 32, ст. 3301.

⁵ Ст. 68 должна была вступить в силу с 1 янв. 2020 г., но с этого же срока она признана утратившей силу. Вместо нее действует гл. 10.1. (О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»: федер. закон от 2 авг. 2019 г. №299-ФЗ // Российская газета. — 2019. — 7 авг.).

³ О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2015. — 17 июля.

В-третьих, фактическим основанием присуждения компенсации является неисполнение решения суда в течение шести месяцев со дня предъявления этого документа к исполнению. Данное положение чрезвычайно важно, поскольку именно с этого момента (истечение шести месячного срока) и следует, по-видимому, исчислять исковую давность по требованию о взыскании компенсации.

Процессуальным основанием выплаты компенсации является вступившее в законную силу решение суда о выплате данной компенсации. В данном случае закон сохранил ранее действовавший порядок и допускает выплату компенсации лишь при невозможности взыскать убытки с самого отчуждателя, однако сократил этот срок вдвое, что, конечно же, идет на пользу приобретателю.

В-четвертых, размер присуждаемой компенсации исчисляется исходя из суммы, составляющей реальный ущерб, либо в размере кадастровой стоимости жилого помещения, действующей на дату вступления в силу судебного акта об истребовании жилого помещения, если такое требование заявлено истцом. Прежнего максимального предела компенсации, составлявшего один миллион рублей, в настоящем законе нет. Включение в состав компенсации упущенной выгоды также не допускается.

В-пятых, в случае выплаты компенсации к Российской Федерации переходит в пределах выплаченной суммы право (требование), которое добросовестный приобретатель имеет к лицу, ответственному за причинение убытков. Видится, что речь здесь идет о сингулярном правопреемстве, то есть замене кредитора по возникшему ввиду истребования вещи обязательству отчуждателя возместить причиненные убытки. В пользу этого, в частности, говорит и то, что при частичном возмещении приобретателю убытков размер компенсации подлежит уменьшению на сумму произведенного возмещения. Следовательно, речь идет именно о переходе прав (Российская Федерация встает на место добросовестного приобретателя), а не о регрессном иске, как иногда указывается в литературе [3].

Квалификация передаваемого требования, с учетом обстоятельств дела и дискуссионности вопроса в целом, может быть как договорной (ст. 406.1, 461 ГК РФ), так и деликтной (ст. 15 ГК РФ) или кондикционной (ст. 1103 ГК РФ).

Наконец, компенсация является однократной и единовременной и выплачивается

за счет казны Российской Федерации (прежде всего, бюджетных средств). Следует отметить, что Закон о госрегистрации не заложил каких-либо основ формирования средств, предназначенных для компенсационных выплат, например, путем создания особого фонда, отдельного учета, как это обычно бывает в позитивных регистрационных системах, в которых компенсация является неотъемлемым элементом системы. К тому же, как правило, эти режимы предполагают довольно высокие размеры регистрационных сборов. Поэтому после введения механизма компенсации было бы логично ожидать от законодателя повышения размеров государственных пошлин за регистрационные действия, чего пока также не произошло. Без принятия подобных организационных мер, и учитывая характерное для российского правоприменения свойство защищать казну от излишних выплат, практика взыскания компенсаций выглядит проблематичной. Другими словами, вызывает сомнения сама идея выплаты компенсаций без создания соответствующей материальной инфраструктуры, поскольку в противном случае подобные компенсации становятся дополнительной нагрузкой для федерального бюджета.

Наличие упомянутой в законе однократности вызывает вопросы. Во-первых, в законе нет разъяснения ее значения. С одной стороны, под однократностью можно понимать как недопущение компенсации при повторении жизненной ситуации, описанной в диспозиции ст. 68.1 Закона о госрегистрации применительно к данному конкретному жилому помещению. С другой стороны, речь может идти об однократности выплаты компенсации для данного гражданина вообще за весь период его жизни (по аналогии с правилом об однократности приватизации). Отсутствие соответствующих разъяснений в законе создает нежелательную неопределенность, с которой, так или иначе, столкнется правоприменительная практика. Впрочем, во всяком случае, однократность подчеркивает отмеченную ранее социальную направленность рассматриваемой компенсации.

Во-вторых, вызывает сомнение целесообразность самого правила об однократности, ибо в этом случае отказ в возможности получения компенсации в последующем становится санкцией за добросовестное приобретение жилья у несобственника, с чем нельзя согласиться. Исходя из этого, преследуемая компенсацией цель — восстановить имущественное положение гражданина для приобретения другого жилья — в данном случае не достигается.

https://zakon.ru/blog/2017/4/20/vzyskanie_ubytkov_s_rosreestra_v_arbitrazhnoj_praktike_obzor_nekotoryh_sudebnyh_del. (In Russ).

3. Krashennikov P. V. Housing Law [*Zhilishchnoe pravo*]. Moscow, 2020. 432 p. (In Russ).

4. Latyev A. N. Reimbursement by the State of Losses Caused by Illegal Registration of Rights to Real Estate [Vozmeshchenie gosudarstvom ubytkov, vyzvannyh nezakonnoj registraciej prav na nedvizhimost']. *Zhilishchnoe pravo – Housing Law*. 2013. Issue 7. Pp. 97-112. (In Russ).

5. Popov Yu. Yu. Torrens System: It's 'Principles' and the Overriding Principle of Fairness [*Sistema registracii prav Torrensa: ee «principy» i prevoskhodyashchij princip spravedlivosti*]. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3358358. (In Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ламбаев Жаргал Тумунович (Улан-Удэ) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: lambaev2010@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lambaev, Zhargal T. (Ulan-Ude) – PhD in Law Department of Civil Law and Process, Dorji Banzarov Buryat State University (Sukhe-Bator str., 6, 670000, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation, e-mail: lambaev2010@yandex.ru).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.6
ББК 67.408.11

В.Г. Татарников,
*Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
Иркутск, Российская Федерация*

Ю.П. Никитин,
*Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Иркутск, Российская Федерация*

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020 — № 3. — С. 24 — 33.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.4.
Дата поступления: 17 августа 2020 г.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена совершенствованию законодательства о преступлениях против личности. Преступления против личности рассматриваются авторами как система, в которую входят не только преступления, включенные в раздел VII Уголовного кодекса России, но и преступления, составы которых включены в другие разделы Уголовного кодекса, если указанные преступления также направлены против прав и свобод личности. Делается вывод, что за преступления, посягающие на личность и обладающие сопоставимым характером и степенью общественной опасности, должны быть установлены сопоставимые санкции независимо от расположения их в структуре Особенной части Уголовного кодекса. При этом, за преступления, относящиеся к тяжким и особо тяжким должен быть установлен как минимальный, так и максимальный предел санкции. Сравниваются санкции за умышленные преступления против личности, посягающие на здоровье и на жизнь человека, и неосторожные преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. Утверждается, что за умышленные преступления против личности должен быть установлен более высокий не только максимальный, но и минимальный предел санкции по сравнению с неосторожными преступлениями, причиняющими такой же или аналогичный вред. В санкциях за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, минимальный предел лишения свободы должен быть выше, чем предусмотренный в санкции ч. 2 ст. 264 Уголовного кодекса РФ, то есть больше трех лет лишения свободы. Минимальный предел санкции за убийство при отягчающих обстоятельствах, указанных в ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ, однозначно должен быть выше, чем в санкции ч. 6 ст. 264 Уголовного кодекса РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Преступления против личности; преступления против жизни; преступления против здоровья; санкция; преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта; умышленные преступления; неосторожные преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Татарников В.Г., Никитин Ю.П. Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. – 2020 – № 3. – С. 24–33. – DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.4.

V.G Tatarnikov,
*East Siberian Branch
of the Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation*
Yu. P. Nikitin,
*East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs
Irkutsk, Russian Federatio*

SYSTEM OF CRIMES AGAINST THE PERSON AND PROBLEMS OF ITS IMPROVEMENT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2020. – № 3. – Pp. 24–33.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.4.
Submission date: August 17, 2020.

ABSTRACT

The article examines the problems of improving the legislation on crimes against the person. At the same time, the article considers crimes against the person as a system that includes not only crimes included in section VII of the Criminal Code of Russia, but also crimes which components are included in other sections of the Criminal Code, if these crimes are also directed against the rights and freedoms of the individual. The authors conclude that for crimes that infringe on the person and have a comparable nature and degree of public danger, comparable sanctions should be established regardless of their location in the structure of the Special part of the Criminal Code. At the same time, for crimes related to serious and especially serious, both the minimum and maximum limit of the sanction must be established. The authors compare the sanctions for intentional crimes against the person that infringe on the health and life of a person, and careless crimes against traffic safety and transport operation that caused serious harm to the health or life of a person. Not only the maximum but also the minimum limit should be set for intentional crimes against the person in comparison with reckless crimes that cause the same or similar harm. The authors suggest for intentional crimes against the person, not only the maximum, but also the minimum penalty of imprisonment should be set higher than for reckless crimes that cause the same or similar harm. In sanctions for intentional infliction of serious harm to health, the minimum limit of imprisonment must be higher than that provided for in the sanction of part 2 of article 264 of the Criminal code of the Russian Federation, that is, more than three years of imprisonment. With regard to sanctions for murder, i.e. intentional infliction of death to another person with aggravating circumstances specified in part 2

of article 105 of the Criminal code, that its minimum limit should definitely be higher than in the sanctions section 6 of article 264 of the Criminal code of the Russian Federation.

KEYWORDS

Crimes against the person; crimes against life; crimes against health, sanction; crimes against traffic safety and operation of transport; intentional crimes; reckless crimes.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. System of Crimes Against the Person and Problems of Its Improvement [Sistema prestuplenij protiv lichnosti i problemy ee sovershenstvovaniya]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 24 – 33. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.4.

Уголовный кодекс РФ 1996 г.¹ (далее – УК РФ), введенный в действие с 1 января 1997 г., сменил УК РСФСР 1960 г., действовавший в течение 36 лет. За этот исторический период в жизни российского государства произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни – политической, экономической, социальной и т.д. Эти обстоятельства обусловили необходимость коренных изменений во всех отраслях российского права, в том числе – в уголовном законодательстве [14, с. 5].

Особенная часть УК РФ 1996 г. открывается разделом VII «Преступления против личности». Структура действующего УК существенно отличается от всех предшествующих уголовных кодексов, действовавших в России в период после Октябрьской революции. Напомним, что в XX столетии в России уголовные кодексы принимались четырежды: в 1922 г., 1926 г., 1960 г. и в 1996 г. Во всех предыдущих кодексах Особенная часть выглядела совершенно иначе. И это отличие касается не только самой структуры кодексов, но – прежде всего – иной системой ценностей и иной иерархией этих ценностей.

Так, первая глава Особенной части УК РСФСР 1922 г. была посвящена государственным преступлениям, вторая глава – должностным (служебным) преступлениям, третья глава – преступлениям о нарушении правил об отделении церкви от государства, четвертая – хозяйственным преступлениям. И лишь пятая глава включала преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности².

Аналогичная картина наблюдалась и в Уголовном кодексе 1926 г. Его Особенная часть также открывалась главой первой, посвященной государственным преступлениям. Вторая глава включала иные преступления против порядка управления, третья глава – должностные (служебные преступления), четвертая – нарушение правил об отделении церкви от государства, пятая – преступления хозяйственные. И только в шестой главе содержались составы преступлений против жизни, свободы и достоинства личности³.

Такая расстановка глав в уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. отражала систему ценностей того периода истории, господствовавшую тогда идеологию, представления о личности и государстве с акцентом на безусловном приоритете государства над личностью.

Заметно отличается от первых уголовных кодексов советского периода истории УК РСФСР 1960 г. В УК РСФСР 1960 г. преступления против жизни, свободы и достоинства личности включены в третью главу Особенной части, вслед за государственными преступлениями (глава первая) и преступлениями против социалистической собственности (глава вторая)⁴.

Эти новшества не были случайны и также отразили изменения в политике советского государства, связанные с предпринятыми во второй половине 50-х годов XX века мерами по восстановлению режима законности,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №25, ст. 2954.

² О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – №15, ст. 153.

³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (ред. от 27 апр. 1959 г.) // СУ РСФСР. – 1926. – № 80, ст. 600.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – №40, ст. 591.

усилению защиты прав личности, гуманизации законодательства в целом.

Особенностью Уголовного кодекса 1960 г., впрочем, как и других кодексов советского периода, было то, что в одной главе содержались составы очень разнородных преступлений против личности: убийств, изнасилований, клеветы, злостного уклонения от уплаты алиментов или от содержания детей, неоказания помощи больному и т.д.

В этой связи УК РФ 1996 г. в целях более единообразного подхода к объединению различных преступлений в одну группу пошел по другому пути. Все преступления внутри раздела разбиты на главы. В разделе VII УК РФ, посвященном преступлениям против личности, таких глав пять: глава 16 «Преступления против жизни и здоровья», глава 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», глава 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», глава 19 «Преступления против конституционных прав и свободы человека и гражданина», глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Таким образом, в действующем Уголовном кодексе России соответствующий раздел объединяет преступления с общим родовым объектом, а глава кодекса — преступления с общим видовым объектом. Так, родовым объектом преступлений, составы которых содержатся в разделе VII УК РФ, является личность, а видовым объектом составов преступлений, описываемых в главе 16 УК РФ — жизнь и здоровье.

Формулируя задачи Уголовного кодекса, ст. 2 УК РФ в первую очередь называет среди них охрану прав и свобод человека и гражданина. Личность — это совокупность как биологических, так и социальных свойств человека, поэтому уголовный закон к преступлениям против личности относит не только деяния, ставящие под угрозу физическое существование человека или посягающие на его здоровье, но и затрагивающие его интересы в сфере иных общественных отношений (например, при реализации избирательных прав, права на труд и т.д.).

Следует отметить, что помещение того или иного состава преступления в тот или иной раздел носит в известной мере относительный характер. В современном Уголовном кодексе к преступлениям против личности отнесён ряд деяний, которые по УК РСФСР 1960 г. рассматривались как преступления, посягающие на иные общественные отношения. Так, например, угроза убийством (ст. 207 УК РСФСР 1960 г.) расценивалась как преступление против общественной безопасности и находилась

в главе десятой УК РСФСР 1960 г. В этой же главе был расположен и состав такого преступления как вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 210 УК РСФСР 1960 г.).

Принципиальное же отличие действующего Уголовного кодекса от всех предшествующих в том, что впервые за всю историю российского уголовного законодательства Особенная часть Уголовного кодекса открывается разделом о преступлениях против личности. Такая структура Особенной части УК далеко неслучайна и вытекает из конституционных положений о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). В Основном законе нашего государства (ст. 17) также подчёркивается, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Формулируя задачи Уголовного кодекса, ст. 2 УК РФ в первую очередь называет среди них охрану прав и свобод человека и гражданина. Очевидно, что общественные отношения, обладающие высшей ценностью, должны получить и наивысший уровень уголовно-правовой охраны. К сожалению указанные конституционные положения проводятся в УК РФ 1996 г. непоследовательно.

Преступления против личности обладают заметным удельным весом в общей структуре преступности, который в период 2013-2017 гг. колеблется в пределах 14-17% от общего числа зарегистрированных преступлений [17, с. 101 — 103].

При этом следует учесть, что как в действующем УК РФ, так и во всех уголовных кодексах РСФСР, преступления, так или иначе посягающие на личность, находятся не только в соответствующем разделе (главе) уголовного кодекса, но и в других его разделах (главах), посвященных преступлениям, направленным против иных ценностей. Так в УК РФ 1996 г. составы преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, безопасность личности и другие права и свободы человека, включены во все без исключения разделы Уголовного кодекса России. Например, разбой (ст. 162 УК РФ) включен в раздел VIII «Преступления в сфере экономики», бандитизм (ст. 209 УК РФ) — в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) — в раздел X «Преступления против государственной власти», оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ) — в раздел XI «Преступления против

военной службы», геноцид (ст. 357 УК РФ) — в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества».

Такой подход к размещению составов преступлений по разделам и главам УК РФ вызван соображениями методологического порядка и отражает направленность того или иного преступления против личности, которая выступает в качестве либо основного, либо дополнительного объекта посягательства. В конечном итоге правильное определение основного и дополнительного объекта позволяет правильно квалифицировать внешне сходные общественно опасные деяния, например, убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

Такое «распределение» составов преступлений против личности внутри уголовного кодекса связано и с тем, что человек, личность является субъектом широкого круга общественных отношений, связывающих его с другими людьми, обществом, государством и т.д. При этом независимо от места расположения в уголовном законодательстве, способа описания того или иного состава, преступления, посягающего на те или иные общественные отношения, участником которых является человек, решающим в оценке общественной опасности такого рода деяний будет в первую очередь базовое конституционное положение, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ).

В этой связи независимо от места расположения в уголовном кодексе норм, устанавливающих ответственность за посягательства, направленные на базовые права личности, меры ответственности за их совершение должны соответствовать логике указанных конституционных положений. Поэтому оценка общественной опасности преступлений, посягающих на личность, должна зависеть прежде всего от направленности преступления, его последствий, формы вины, мотивов и целей и т.д. и не должна кардинально отличаться в зависимости от нахождения нормы об ответственности за его совершение в том или ином разделе (главе) УК РФ.

Однако приходится признать, что за период, истекший после принятия Уголовного кодекса России 1996 г. его развитие идет зачастую противоречиво и непоследовательно, в том числе и в части оценки общественной опасности деяний, посягающих на личность.

Это связано, как справедливо заметил Э.Ф. Побегайло, с тем, что «правовая компетенция Российских законодателей порой находится на весьма низком уровне. Доходит до игнорирования закрепленных Конституцией РФ общепризнанных принципов уголовного права» [6, с. 15 — 16].

Остановимся на некоторых негативных моментах в российском законодательстве об ответственности за преступления против личности и путях их устранения. Непоследовательность и противоречивость уголовной политики в отношении оценки преступлений против личности наглядно проявляется в нормах об ответственности за умышленные и неосторожные преступления.

К преступлениям, которые хотя и совершаются по неосторожности, но отличаются повышенной общественной опасностью, относятся транспортные преступления. Уровень указанных преступлений остается высоким [8, с. 91 — 93]. Особенно это касается транспортных преступлений, совершаемых водителями, находящимися в состоянии опьянения. Например, в 2018 г. в дорожно-транспортных происшествиях, совершенных водителями, действия которых квалифицированы по ст. 264 УК РФ, погибло 8 935 человек. Причем из них 4 645 человек погибло по вине пьяных водителей⁵. Указанные обстоятельства обоснованно расцениваются в числе оснований для усиления уголовной ответственности за такие преступления [7, с.123 — 125].

Федеральным законом от 17 июня 2019 г. №146-ФЗ в ст. 264 УК РФ внесены изменения, усиливающие наказание за нарушение правил дорожного движения. Такого рода деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо сопряжено с оставлением места его совершения, наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. (ч. 4 ст. 264 УК РФ). За причинение при указанных обстоятельствах смерти двум и более лицам, предусмотрено лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

⁵ См.: Пояснительная записка к законопроекту №685843-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об усилении уголовной ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7>.

на срок до трех лет (ч. 6 ст. 264 УК РФ). Причинение при подобных обстоятельствах тяжкого вреда здоровью наказывалось принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ч. 3 ст. 264 УК РФ)⁶.

Изменения, направленные на усиление ответственности за причинение смерти и тяжкого вреда здоровью при совершении автотранспортных преступлений, вполне обоснованы и логичны. Однако не вызывает сомнений, что умышленное причинение вреда жизни и здоровью представляет несоизмеримо большую общественную опасность. К сожалению, приходится признать, что в части установления ответственности за умышленные посягательства на жизнь и здоровье личности российское уголовное законодательство выглядит противоречиво и непоследовательно.

Отражением повышенной общественной опасности совершаемых в состоянии опьянения преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, является установление не только повышенного максимального срока лишения свободы, но и минимального предела санкции за их совершение. В то же время в отношении умышленных преступлений, повлекших аналогичные последствия, наблюдается совершенно противоположная тенденция, направленная на смягчение ответственности виновных.

В первоначальной редакции Уголовного кодекса России, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, то есть опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет (ч. 1 ст. 111 УК). При наличии отягчающих обстоятельств ответственность существенно

повышалась. Например, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего наказание устанавливалось на срок от трех до десяти лет лишения свободы. Совершение указанного преступления в отношении двух и более лиц влекло наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

Еще более усиливалась ответственность при наступлении при подобных обстоятельствах смерти потерпевшего. Санкция за такие преступления устанавливалась в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Однако Федеральным законом от 7 марта 2011 г. №26-ФЗ существенно снижено наказание за наиболее опасные преступные посягательства на здоровье⁷. В юридической литературе подходы законодателя к оценке общественной опасности деяний, посягающих на важнейшие права личности без учета их реальной опасности обоснованно расценены как ошибочные и даже вредные [4, с. 60 – 65].

В результате минимальный предел наказания был устранен из большинства санкций, установленных не только за преступления небольшой или средней тяжести, но и за тяжкие (чч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ) и даже особо тяжкие преступления (чч. 3 и 4. ст. 111 УК РФ). В результате сложилась парадоксальная картина: одинаковый минимальный срок наказания в виде лишения свободы (два месяца) в настоящее время может быть назначен как за преступления небольшой тяжести (например, за кражу по ч. 1 ст. 158 УК РФ), так и за умышленные преступления против жизни и здоровья, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, в том числе, за такое как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего – ч.4 ст.111 УК РФ). Такое положение нельзя считать нормальным, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [см., напр.: 1, 3, 9, 11, 12, 13].

Следует согласиться, что наличие значительных разрывов между нижней и верхней границами наказаний, закрепленными в санкциях статей Особенной части, свидетельствует о том, что законодателю не удалось дать оценку общественной опасности деяния, признаки которого отражены в диспозиции соот-

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17 июня 2019 г. №146-ФЗ // Российская газета. – 2019. – 19 июня.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 7 марта 2011 г. №26 – ФЗ // Российская газета. – 2011. – 11 марта.

ветствующей статьи уголовного закона [10, с. 712].

Сложилась нелепая ситуация, при которой в санкциях за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью даже при наличии квалифицирующих признаков, указанных в чч. 2–4 ст. 111 УК РФ, например, таких как совершение преступления из хулиганских побуждений; в отношении малолетнего; в отношении двух и более лиц и т.д., не установлен минимальный предел лишения свободы. В то же время за причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью даже одного человека при обстоятельствах, указанных в ч. 3 ст. 264 УК РФ установлен минимальный предел наказания в виде трех лет лишения свободы.

Очевидно, что при наличии в санкции ч. 2 ст. 264 УК РФ минимального предела наказания за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности совершенно нелогично выглядит отсутствие такого предела в санкциях чч. 1–3 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение такого же вреда. И уж тем более странно выглядит отсутствие минимального предела в санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ, установленной за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего.

Непродуманная законодательная деятельность по оценке общественной опасности преступлений против личности влияет и на судебную практику: каждому второму осужденному по ч. 1 ст. 111 УК РФ назначается наказание в виде лишения свободы условно либо иное более мягкое наказание [12, с. 39 – 40].

По данным судебной статистики в 2019 г. из 3634 лиц, осужденных по ч. 1 ст. 111 УК РФ, к условной мере наказания проговорены 1953 человека. А из 15141 осужденных по чч. 2–4 ст. 111 УК РФ условно осуждено 4372 человека⁸. При этом не учитывается, что непосредственный объект таких преступлений (здоровье) входит в круг наиболее ценных объектов уголовно-правовой охраны [5, с. 69]. Такая правоприменительная практика не отвечает реальному положению дел с количеством и динамикой указанных преступлений, поскольку исследователями отмечаются тенденции роста квалифицированных и особо квалифицированных видов преступлений, предусмотренных чч. 2–4 ст. 111 УК РФ за последние 10 лет [16, с. 126 – 130].

При анализе умышленных и неосторожных преступлений, последствием которых

явилось наступление смерти человека, обращает на себя внимание установление за неосторожное причинение смерти при обстоятельствах, указанных в ч. 6 ст. 264 УК РФ и за убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) одинакового минимального предела санкции в виде восьми лет лишения свободы. Очевидно, что убийство по найму, убийство малолетнего, убийство двух и более лиц является безусловно более опасным, чем причинение смерти по неосторожности при обстоятельствах, указанных в ч. 6 ст. 264 УК РФ.

Поэтому логика требует, во-первых, чтобы повышенная общественная опасность тяжких и особо тяжких умышленных преступлений, объектом которых является здоровье, а тем более жизнь человека находила отражение в установлении за их совершение минимального предела санкции в виде лишения свободы. Во-вторых, минимальный предел санкции за умышленные преступления, последствием которых является причинение тяжкого вреда здоровью, а тем более наступление смерти должен быть выше, чем за неосторожные преступления, повлекшие аналогичные последствия. Таким образом, в санкциях за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, минимальный предел лишения свободы должен быть выше, чем предусмотренный в санкции ч. 2 ст. 264 УК РФ, то есть больше трех лет лишения свободы.

Что касается санкции за убийство, то есть за умышленное причинение смерти другому человеку при отягчающих обстоятельствах, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, то ее минимальный предел однозначно должен быть выше, чем в санкции ч. 4 ст. 264 УК РФ. Учитывая особую общественную опасность убийств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, целесообразно минимальный предел наказания за данное преступление установить равный максимальному пределу санкции за убийство без смягчающих и отягчающих обстоятельств, то есть в виде пятнадцати лет лишения свободы. Отметим, что такой «диапазон» (от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы) между минимальным и максимальным пределом санкции за преступления, связанные с умышленным причинением смерти человеку известен российскому законодательству (например, ч. 3 ст. 205 УК РФ).

Существует и целый ряд других проблем, связанных с ответственностью за неосторожные деяния, так или иначе направленных против личности, причиняющих вред здоровью и представляющих повышенную общественную опасность. В юридической литературе

⁸ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.

10. Рогова Е.В., Ишигеев В.С., Парфиненко И.П. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10. — №4. — С. 710—720.
11. Руева Е.О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона // Российский следователь. — 2016. — №4. — С. 42—46.
12. Сиакин В.П. Санкции за преступления против личности: вопросы построения и применения // Криминалист. — 2019. — № 4. — С. 37—40.
13. Татарников В.Г. Уголовно-правовая охрана личности. Монография. — Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2007. — 172 с.
14. Татарников В.Г., Босхолов С.С. Уголовно-правовая охрана конституционных прав личности, общества и государства // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2020. — № 1. — С. 17—25.
15. Татарников В.Г., Никитин Ю.П. Проблемы уголовно-правовой охраны безопасности на транспорте // Евразийский юридический журнал. — 2018. — №8. — С. 232-235.
16. Фисенко Д.Ю. Криминологическая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 3. — С. 125—132.
17. Фомин С.А. Криминологические характеристики преступности и основные показатели характеристик преступности, ее отдельных групп и видов на современном этапе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 94—103.

REFERENCES

1. Abubakirov F.M. On the Issue of the Principle of Justice in Criminal Legislation [K voprosu o principe spravedlivosti v ugovolnom zakonodatel'stve]. *Rossijskij sud'ya — Russian Judge*. 2015. Issue 5. Pp. 33-35. (In Russ.).
2. Boskholov S.S., Tarasova M.V. Problems of Criminalization and Decriminalization of Crimes in the Criminal Code of Russia [Problemy kriminalizacii i dekriminalizacii prestuplenij v ugovolnom kodekse Rossii]. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnyh stran: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Problems of Modern Legislation in Russia and Foreign Countries: materials of the VI International Scientific and Practical Conference). Irkutsk, 2018. Pp. 146-150. (In Russ.).
3. Kurchenko V.N. Imposition of Punishment for Deliberate Infliction of Serious Damage to Health [Naznachenie nakazaniya za umyshlennoe prichinenie tyazhкого вреда zdorov'yu]. *Zakonnost' — Zakonnost Journal*. 2014. Issue 10. Pp. 3-6. (In Russ.).
4. Nurkaeva T.N. On the Quality of the Criminal Law on the Example of Section VII of the Criminal Code of the Russian Federation Providing for Responsibility for Crimes against the Person [O kachestve ugovolnogo zakona na primere razdela VII UK RF, predumatrivayushchego otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti]. *Vestnik VEGU — Vestnik of the Eastern Economics and Law Humanities Academy*. 2017. Issue 6. Pp. 59-67. (In Russ.).
5. Plaksina T.A. Practice of Sentencing for Intended Grievous Bodily Harm without Qualifying Circumstances (Part I, Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation) [Praktika naznacheniya nakazaniya za umyshlennoe prichinenie tyazhкого вреда zdorov'yu bez kvalificiruyushchih obstoyatel'stv (ch.1 st. 111 UK RF)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Tomsk State University Journal of Law*. 2018. Issue 27. Pp. 68-79. (In Russ.). DOI: 10.17223/22253513/27/7.
6. Pobegajlo E.F. Criminological Validity of Modern Criminal Policy: Problematic Issues and Ways to Solve Them [Kriminologicheskaya obosnovannost' sovremennoj ugovolnoj politiki: problemnye voprosy i puti ih resheniya]. *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovolnogo prava Rossijskoj Federacii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (The Current State and Ways of Development of the Criminal Law of the Russian Federation: Scientific and Educational-Methodological Aspects: materials of the All-Russian scientific and practical conference). Ryazan, 2016. Pp. 10-19. (In Russ.).
7. Podchernyaev A.N. Condition of Road Safety: Criminal-Legal Analysis [Sostoyanie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: ugovolno-pravovoj analiz]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova — Scientific bulletin of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2019. Issue 3. Pp. 90-93. (In Russ.).
8. Podchernyaev A.N. Some Issues of Development of Criminal Legislation in the Field of Making Safety of Road Traffic [Nekotorye voprosy razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova — Scientific bulletin of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2019. Issue 4. Pp. 121-125. (In Russ.).
9. Rarog A.I. Legislator's Error: Types, Reasons, Ways of Correction [Oshibka zakonodatelya: vidy, prichiny, puti ispravleniya]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual Problems of the Russian Law*. 2019. Issue 4. Pp. 95-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.095-103.

10. Rogova E.V., Ishigeev V.S., Parfinenko I.P. The Impact of Criminal Law Sanctions on the Individualization of Punishment [Vliyaniye ugovolno-pravovykh sankcij na individualizaciyu nakazaniya]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2016. Vol. 1. Issue 4. Pp. 710-720. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).710-720.

11. Rueva E.O. Violation of the Principle of Justice as a Result of Imperfection of the Criminal Law Legal Methodology [Narusheniye principa spravedlivosti v rezul'tate nesovershenstva yuridicheskoy tekhniki ugovolnogo zakona]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2016. Issue 4. Pp. 42-46. (In Russ.).

12. Silkin V.P. Sanctions for Crimes against the Person: the Matter of Construction and Application [Sankcii za prestupleniya protiv lichnosti: voprosy postroeniya i primeneniya]. *Kriminalist' – Criminalist*. 2019. Issue 4. Pp. 37-40. (In Russ.).

13. Tatarnikov V.G. Criminal Legal Protection of the Person [Ugolovno-pravovaya ohrana lichnosti]. Irkutsk, 2007. 172 p. (In Russ.).

14. Tatarnikov V.G., Boskholov S.S. Criminal Law Protection of Constitutional Rights of the Individual, Society and the State [Ugolovno-pravovaya ohrana konstitucionnykh prav lichnosti, obshchestva i gosudarstva]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 1. Pp. 17-25. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.1.2.

15. Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. The Problems of Criminal Law Protection of Transport Safety [Problemy ugovolno-pravovoy ohrany bezopasnosti na transporte]. *Evraziyskiy yuridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal*. 2018. Issue 8. Pp. 232-235. (In Russ.).

16. Fisenko D.Yu. Criminological Characteristics of Intentional Infliction of Serious Harm to Health [Kriminologicheskaya harakteristika umyshlennogo prichineniya tyazhkogo vreda zdorov'yu]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2020. Issue 3. Pp. 125-132.

17. Fomin S.A. Criminological Characteristics of Crime and the Main Indicators of the Characteristics of Crime, Its Separate Groups and Types at the Present Time [Kriminologicheskie harakteristiki prestupnosti i osnovnye pokazateli harakteristik prestupnosti, ee otdel'nykh grupp i vidov na sovremennom etape]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2018. Issue 1. Pp. 94-103. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Татарников Владимир Германович (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (664031, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23 а, e-mail: voldemar55@mail.ru).

Никитин Юрий Петрович (Иркутск) – преподаватель кафедры специальной подготовки Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: nikitos35@rambler.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatarnikov, Vladimir G. – PhD in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Law, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Franko str., 23-a, Irkutsk, 664031, e-mail: voldemar55@mail.ru).

Nikitin, Yuri P. – a Lecturer of Special Training Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, e-mail: nikitos35@rambler.ru.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.619
ББК 67.408.1

С.В. Пархоменко,
*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0370-3102
ResearcherID: AAZ-9298-2020*

В.А. Демченко,
*Прокуратура Кемеровской области – Кузбасса,
Кемерово, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7869-0764
ResearcherID: AAX-9480-2020*

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ПАЦИЕНТОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. – 2020 – № 3. – С. 34 – 42.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.5.
Дата поступления: 2 сентября 2020.

АННОТАЦИЯ

Авторами рассматривается вопрос об особенностях такого криминообразующего признака состава преступления как субъекта халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности. Особое внимание уделено анализу субъектного состава рассматриваемого вида преступлений. Авторами статьи обосновывается необходимость признания в качестве субъектов халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности исключительно медицинских работников. При этом отрицается какая-либо возможность привлечения к уголовной ответственности фармацевтических работников за неблагоприятные последствия, наступившие для потребителей фармацевтической продукции, существенно связанных с ятрогенными преступлениями. В качестве субъектов преступления исследуемой категории авторы предлагают признать медицинских работников, имеющих медицинское или иное образование, позволяющее им заниматься практической медицинской деятельностью, состоящих в трудовых отношениях с медицинской организацией или осуществляющих медицинскую деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, а также имеющих сертификат специалиста или лицензию на право осуществления медицинской деятельности. На основе анализа положений федерального законодательства, а также доктрины уголовного и медицинского права, авторами предлагается модель субъектного состава лиц, которые могут и должны нести уголовную ответственность за совершение преступлений, связанных с халатностью при осуществлении профессиональной деятельности.

ПРОЛОГ:

**ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /
PROLOGUE:
LAW JOURNAL**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Халатность; медицинский работник; субъект преступления; профессиональное преступление; врачебная ошибка; профессиональная деятельность; должностные обязанности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Пархоменко С.В., Демченко В.А. Причинение вреда жизни и здоровью пациентов: актуальные вопросы определения субъекта преступления // Пролог: журнал о праве. — 2020 — № 3. — С. 34–42. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.5.

S.V. Parhomenko,

Irkutsk Juridical Institute (Branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Irkutsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0370-3102

ResearcherID: AAZ-9298-2020

V.A. Demchenko,

Prosecutor's Office of Kemerovo Region – Kuzbass

Kemerovo, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7869-0764

ResearcherID: AAX-9480-2020

**CAUSING HARM TO THE LIFE AND HEALTH OF PATIENTS:
TOPICAL ISSUES OF DETERMINING THE SUBJECT OF A CRIME**

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2020. — № 3. — Pp. 34–42.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.5.

Submission date: September 2, 2020.

ABSTRACT

The authors examine the issue of such a crime-forming feature of the crime structure as the subject of negligence of medical workers in the implementation of professional activities. They pay a special attention to the analysis of the subject structure of the considered type of crimes. The authors of the article substantiate the need to recognize exclusively medical workers as subjects of negligence in carrying out their professional activities. At the same time, any possibility of bringing pharmaceutical workers to criminal responsibility for adverse consequences that occurred for consumers of pharmaceutical products that are essentially related to iatrogenic crimes is denied. As the subjects of crime of the studied categories, the authors propose to recognize medical professionals who have medical or other education, allowing them to be employed in practical medical activity, consisting of labour relations with the medical organization or carrying out medical activities as an individual entrepreneur, as well as having a specialist certificate or license for medical activity. Based on the analysis of the provisions of Federal legislation, as well as the doctrine of criminal and medical law, the authors propose a model of the subject composition of persons who can and should be criminally responsible for committing crimes related to negligence in the implementation of professional activities.

KEYWORDS

Negligence; medical worker; subject of crime; professional crime; medical error; professional activity; job responsibilities.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Parhomenko S.V., Demchenko V.A. Causing Harm to the Life and Health of Patients: Topical Issues of Determining the Subject of a Crime [Prichinenie vreda zhizni i zdorov'yu pacientov: aktual'nye voprosy opredeleniya sub'ekta prestupleniya]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 34 – 42. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.5.

Прогрессивное развитие всех без исключения сфер жизни общества закономерно поднимает вопрос о необходимости повышения профессиональных требований к обширному числу специалистов. Особая роль на современном этапе развития отводится работникам сферы здравоохранения. Обусловлено это, разумеется, спецификой самой профессии медицинского работника, которая состоит в сохранении человеческой жизни и здоровья как наивысшего блага человечества.

Как показывает анализ судебно-следственной практики и публикаций в средствах массовой информации, факты ненадлежащего осуществления профессиональной обязанности медицинскими работниками, ставшими предметом судебного разбирательства, уже не являются единичными. Между тем, адекватную юридическую оценку дефектные действия работников сферы здравоохранения получают не всегда. Представляется, что причиной данного обстоятельства во многом является отсутствие надлежащего механизма уголовно-правового регулирования указанной сферы общественных отношений.

На сегодняшний день Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в Особенной части (в том числе в главе 16) не содержит специальной нормы, посвященной основаниям уголовной ответственности медицинских работников, причинивших вред жизни и здоровью пациентов, вследствие халатности при осуществлении профессиональной деятельности [8, с. 32]. В рамках настоящего исследования наличие в УК РФ ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124 не принимается во внимание, поскольку данные составы преступлений устанавливают ответственность за противоправные действия специальных субъектов (к ним относятся и медицинские работники) в «усеченном» виде и не отражают весь возможный спектр ненадлежащего осуществления медицинскими работниками своей профессиональной обязанности [3, с. 165]. Исходя из этого, авторами предпринята попытка не только охарактеризовать конститутивные признаки халатности медицинских работников, но и построить оптимальную модель уголовно-правовой нормы, предусматривающей основания уголовной ответственности

указанных лиц, взглянув на нее через призму такого криминообразующего признака как субъекта преступления.

Комплексное изучение субъекта преступления является принципиальным не только потому, что субъект является одним из обязательных элементов состава преступления, но и в связи с тем, что именно его признаки являются разграничительными критериями для преступлений, совершенных общими или специальными субъектами.

Несмотря на то, что в доктрине уголовного права явление дефектного осуществления профессиональных обязанностей медицинскими работниками, и повлекшими в этой связи неблагоприятные последствия для пациентов, недостаточно изучено – теоретические разработки относительно субъектного состава преступлений подобного рода на страницах научной литературы все же имеются.

Так, Р.А. Давыдов считает, что субъектами преступления, в результате которого причиняется вред жизни и здоровью пациентов, являются медицинские работники или фармацевтические работники. В содержание данной дефиниции автор вкладывает следующие признаки:

- 1) лицо, получившее высшее или среднее медицинское или фармацевтическое образование в Российской Федерации;
- 2) наличие у описанных лиц диплома и специального звания, а также сертификата специалиста или лицензии на осуществление медицинской или фармацевтической деятельности [2, с. 145].

Таким образом, Р.А. Давыдов производит разграничение виновных лиц рассматриваемой категории преступлений на две группы: медицинских и фармацевтических работников. Вместе с тем, автор определяет их формальные признаки: наличие соответствующего уровня квалификации, подтвержденной документом государственного образца об образовании, а также сертификата специалиста, позволяющего осуществлять практическую медицинскую или фармацевтическую деятельность.

Схожую позицию по данному вопросу предлагают Г.А. Пашиян и И.В. Ившин, которые рассматривают субъектов – медицин-

ских работников через призму таких признаков как:

1) наличие у медицинского работника «допуска к осуществлению профессиональной медицинской деятельности, т.е. право на занятие такой деятельностью» (наличие высшего или среднего медицинского образования, сертификата специалиста, в необходимых случаях — лицензии);

2) «...возложение на медицинского работника обязанности по непосредственному оказанию соответствующего вида медицинской помощи. Такая обязанность может вытекать из факта наличия трудовых отношений между медицинским работником и лечебно-профилактическим учреждением (организацией)...» [10, с. 10].

Как мы видим, основной акцент авторами приведенной точки зрения делается на наличие формальных признаков медицинских работников (уровень квалификации и др.), а также на имеющиеся трудовые (служебные) правоотношения медицинских работников с медицинской организацией. По их мнению, отсутствие одного из указанных признаков освобождает медицинского работника от уголовной ответственности.

С.В. Патрушев, в свою очередь, также определяет субъектный состав рассматриваемых преступлений через определение соответствующих признаков, однако заметно их расширяя. Это лица, имеющие:

1) медицинское или иное образование, а также свидетельство об аккредитации специалиста;

2) фармацевтическое образование, полученное в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами;

3) право на осуществление медицинской деятельности и получившие дополнительное профессиональное образование в части розничной торговли лекарственными препаратами [9, с. 57].

Кроме того, к субъектам преступления С.В. Патрушев относит педагогических и научных работников, имеющих сертификат специалиста либо свидетельство об аккредитации специалиста, осуществляющих практическую подготовку обучающихся в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании; лиц, имеющих медицинское или фармацевтическое образование, не работавших по своей специальности более 5 лет, но прошедших профессиональную переподготовку и повышение квалификации; лиц, не завершивших освоение образовательных программ высшего медицинского или высшего фармацевтического образования; лиц, полу-

чивших медицинское или фармацевтическое образование в иностранных государствах (при наличии аккредитации специалиста, полученной в Российской Федерации) [9, с. 57].

Приведенные позиции отражают наиболее распространенные теоретические концепции относительно определения субъектного состава халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности.

В контексте обсуждаемой проблемы хотелось бы обратиться к основным положениям законодательства в указанной сфере правоотношений.

Исходя из пункта 13 статьи 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее — Закон №323-ФЗ) медицинским работником является физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

В соответствии с частью 1 статьи 69 Закона № 323-ФЗ право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации имеют лица, получившие медицинское или иное образование в Российской Федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста.

Кроме того, исходя из анализа положений частей 21-5 статьи 69 Закона № 323-ФЗ, правом на осуществление медицинской деятельностью обладают также:

1) педагогические и научные работники, имеющие сертификат специалиста либо свидетельство об аккредитации специалиста, осуществляющие практическую подготовку обучающихся в соответствии со статьей 82 Федерального закона от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также научные работники, имеющие сертификат специалиста либо свидетельство об аккредитации специалиста, осуществляющие научные исследования в сфере охраны здоровья;

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. №323-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2011. — 23 нояб.

2) лица, имеющие медицинское образование, не работавшие по своей специальности более пяти лет при условии прохождения обучения по дополнительным профессиональным программам (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) и прохождения аккредитации специалиста;

3) лица, не завершившие освоение образовательных программ высшего медицинского образования, могут быть допущены к осуществлению медицинской деятельности на должностях среднего медицинского персонала.

Анализируя приведенные теоретические позиции во взаимосвязи с приведенными положениями Закона №323-ФЗ, можно сделать некоторые умозаключения.

Во-первых, признавая реальную возможность причинения вреда жизни и здоровью граждан вследствие ненадлежащих действий (бездействий) фармацевтических работников, тем не менее, отнесение указанной группы «специалистов» к числу потенциальных субъектов так называемых ятрогенных преступлений² представляется необоснованным.

К данному выводу позволяет прийти не только анализ нормативно-правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность фармацевтических работников (которая, к слову сказать, не вменяет в обязанность таким лицам давать какие-либо консультации и рекомендации при приобретении гражданами лекарственных и иных средств), но и существующее положение правоприменительной, в частности судебной, практики.

Да, действительно подчас именно ничем не обоснованная рекомендация, данная пациенту фармацевтическим работником, относительно свойств медицинских препаратов, способу и периодичности их приема без учета физического состояния пациента, истинных рекомендаций лечащего врача, может самым негативным образом сказаться на жизни и здоровье такого пациента. Но в данном случае мы не можем и не должны забывать о том, что фармацевтический работник в силу своего

профессионального статуса и квалификации не должен давать гражданам какие-либо рекомендации относительно тактики лечения и приема соответствующих препаратов. Это прямая обязанность лечащего врача. Основная же задача фармацевтического работника сводится к отпуску качественной медицинской продукции, исходя из рекомендации лечащего врача. В том случае, если особенности препарата не требуют его отпуска при наличии у покупателя рецепта врача, он реализуется фармацевтическим работником в свободном режиме. В последнем случае все риски наступления негативных последствий, связанных с воздействием препарата на организм человека, несет сам покупатель. Пожалуй, исключение из данного правила связано лишь с отпуском лекарственных средств ненадлежащего качества.

Кроме того, необходимо указать и на то обстоятельство, что судебная практика не знает случаев привлечения к уголовной ответственности фармацевтических работников за вред, причиненный жизни и здоровью граждан при описанных выше обстоятельствах. Безусловно, при наличии оснований, оптовая реализация медицинских препаратов ненадлежащего качества является основанием для привлечения виновного лица (в том числе и фармацевтического работника) к уголовной ответственности, предусмотренной статьей 238 УК РФ. Считаю недопустимым определять фармацевтических работников в качестве субъектов преступлений рассматриваемой категории и по причине криминалистической необоснованности.

Таким образом, позицию Р.А. Давыдова и С.В. Патрушева в части отнесения фармацевтических работников (наравне с медицинским персоналом) к субъектам исследуемых преступлений считаю неверной и не отвечающей существующим реалиям уголовного закона и практики его применения.

Во-вторых, обозначив нашу позицию относительно нецелесообразности отнесения фармацевтических работников к числу субъектов халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности, принципиально важно определить кто именно может и должен (в случае наличия законных оснований) являться субъектом указанных преступлений.

На первый взгляд, применив систематическое толкование озвученных выше положений Закона №323-ФЗ, устанавливающих требования к лицам, осуществляющим практическую медицинскую деятельность, при определении субъектного состава, какие-ли-

² «Ятрогенное заболевание — это заболевание, обусловленное неосторожными действиями врача, — пишет Ю.Ю. Малышева. — Термин «ятрогения» происходит от древнегреческих слов со значением «врач» и «рождение» и рассматривается в медицинских и правовых аспектах. Уголовное право на сегодняшний день оперирует понятием «ятрогенные преступления», которое само по себе является новеллой для современного уголовного законодательства, хотя его корни уходят глубоко в историю» [6, с. 23, см. также: 1, 4, 5, 11].

бо затруднения отпадают сами собой. Более того, теоретические разработки относительно данного вопроса принципиальных различий с положениями данного федерального закона не имеют.

Безусловно медицинский работник не может считаться таковым без наличия соответствующего образования и уровня квалификации (который подтверждается в установленном законом порядке). Этот факт бесспорен.

Однако не все ученые исходят из прямого указания Закона №323-ФЗ, устанавливающего требование в виде наличия служебных (трудовых) отношений медицинского работника с медицинской организацией, а также обязанность медицинского работника по непосредственному оказанию медицинской помощи пациенту, вытекающая из трудового договора и должностной инструкции [2, с. 147; 5, с. 60].

Указанный подход, позволяющий относить к субъектам рассматриваемого вида преступлений лиц, хотя и имеющих медицинское образование, необходимый уровень квалификации, свидетельство об аккредитации специалиста, но в то же время не состоящих с конкретно взятой медицинской организацией в трудовых отношениях, представляется в корне неверным. При таких обстоятельствах государство возлагало бы на лиц, обладающих познаниями в области медицины, необоснованно широкие обязанности [7, с. 64], во-первых, по оказанию медицинской помощи лицам, нуждающимся в ней, и, во-вторых, по оказанию такой медицинской помощи качественно, в соответствии с установленными методиками и стандартами. Очень важно понимать, что лицо, пусть в обыденном смысле и являющееся специалистом в какой-либо сфере практической медицины, в силу отсутствия тесной связи с профессиональной практикой (например, ввиду выхода на пенсию) может в определенной степени утратить свой профессионализм. На такое лицо уже не распространяются нормативные требования по прохождению профессиональной переподготовки и повышению квалификации, что безусловно сказывается на реальной возможности осуществления таким лицом медицинской деятельности на должном уровне. Таким образом, каждый случай причинения вреда лицу, нуждающемуся в медицинской помощи, оказанной ему специалистом в области медицины, но не являющимся работником медицинской организации (например, в домашних условиях или при личных доверительных, приятельских отношениях), необходимо оценивать по

общим правилам причинения вреда. Кроме того, по нашему мнению, случаи не оказания медицинской помощи рассматриваемыми лицами (даже в ситуациях, когда лицо имеет реальную возможность ее оказать) должны оцениваться, исходя из морально-этических, но не правовых норм³. Как известно, уголовный закон не обязывает граждан, не поставивших потерпевшее лицо в опасное для его жизни или здоровье положение, принять меры по минимизации негативных последствий.

Тесно связана и вытекает из рассмотренного вопроса проблема отнесения отдельных категорий специалистов (например, сотрудников полиции, Государственной противопожарной службы), обязанных в силу специфики своей профессии оказывать различного рода помощь населению, в том числе первую помощь, к субъектам исследуемых преступлений. Исходя из императивного положения статьи 31 Закона №323—ФЗ, гражданам до оказания медицинской помощи оказывается первая помощь лицами, обязанными ее оказывать в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы, спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб. Кроме того, на сотрудников указанных организаций законом возложена обязанность пройти соответствующую профессиональную подготовку с целью приобретения навыков оказания первой помощи. Однако относит ли принадлежность к описанной выше государственной службе и получение лицом первичных навыков оказания первой помощи нуждающимся, к числу субъектов рассматриваемых преступлений? Думается, что ответ должен быть отрицательным в связи со следующим. Трудно отрицать, что в сложных, подчас экстремальных для обычного человека условиях (например, при техногенных авариях), реальную и наиболее оперативную помощь способны оказать сотрудники так называемых экстренных служб. Они проходят специальную профессиональную подготовку по ликвидации последствий той или иной ситуации, способной причинить вред жизни и здоровью человека, а также в обязательном порядке проходят курсы оказания первой помощи. Вместе с тем, указанная программа обучения основам первой помощи

³ Med Russia. URL: <https://medrussia.org/15776-yekspert-nikakie-klyatvi-ne-obyazivayut/>.

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /
PROLOGUE:
LAW JOURNAL

носит весьма усеченный характер, по итогам изучения которой лицу квалификация специалиста в области медицины не присваивается. Такие работники являются носителями лишь основных и довольно абстрактных знаний (по сравнению со знаниями, получаемыми в медицинских образовательных организациях) о порядке оказания первой помощи людям, в связи с чем, как нам кажется, возлагать на сотрудников описанных государственных организаций ответственность за наступление вреда для жизни и здоровья граждан не вполне справедливо и обоснованно.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание — возможность отнесения к субъектам рассматриваемого вида преступлений лиц, не завершивших освоение образовательных программ высшего медицинского образования, которые согласно статье 82 Закона №323-ФЗ могут быть допущены к осуществлению медицинской деятельности на должностях среднего медицинского персонала. При формальном анализе приведенного положения Закона №323-ФЗ ответ на поставленный вопрос является положительным. Данной позиции придерживается и ряд теоретиков [10, с. 10]. Думается, для правильного ответа на указанный вопрос необходимо понимать следующее принципиально важное обстоятельство. Факт обучения в образовательной организации и незавершение лицом освоения образовательной программы не стоит в прямой взаимосвязи с его возможностью нести уголовную ответственность за ненадлежащие действия (бездействие) при оказании медицинской помощи пациенту. В данном случае конститутивным признаком наряду с описанным обстоятельством является факт официального трудоустройства такого лица в медицинскую организацию на должность среднего медицинского персонала и осуществляющего медицинскую деятельность в соответствии с трудовым договором, должностной инструкцией. В случае,

если лицо, не завершившее освоение образовательной программы медицинской направленности, не осуществляет трудовую функцию в медицинской организации или, напротив, ее осуществляет, но исходя из положений трудового договора, должностной инструкции, она не связана с оказанием медицинской помощи пациентам, то такое лицо в качестве субъекта преступления рассматриваемой категории рассматриваться не должно. В случае, если такой «молодой специалист» отвечает описанным требованиям, оно в полной мере отвечает признакам медицинского работника и, соответственно, должно нести уголовную ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью пациентов, в результате своих ненормативных действий (бездействия).

Подводя итог, отметим, что к числу субъектов рассматриваемого состава преступления следует относить исключительно медицинских работников (в соответствии с соответствующей номенклатурой должностей, утверждаемой федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения), получившим в установленном законом порядке медицинское или иное образование (в том числе не окончившим освоение образовательной программы и занимающих должности среднего медицинского персонала), состоящих в трудовых отношениях с медицинской организацией (или самозанятых медицинских работников — индивидуальных предпринимателей) и имеющих сертификат специалиста (лицензии на право осуществление медицинской деятельности). Представляется, что использование в правоприменительной деятельности приведенной правовой позиции позволит существенным образом разрешить существующие проблемы в процессе квалификации ненадлежащих действий работников сферы здравоохранения, повлекшие неблагоприятные последствия для жизни и здоровья пациентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багмет А.М., Петрова Т.Н. О необходимости включения в Уголовный кодекс Российской Федерации ятрогенных преступлений // Российский следователь. — 2016. — №7. — С. 27 — 32.
2. Давыдов Р.А. Время и место преступления против жизни и здоровья личности, совершённого медицинским работником по неосторожности // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 4. — С. 145 — 147.
3. Демченко В.А. Понятие халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности в уголовном праве // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 409. — С. 164 — 166.
4. Замалеева С.В. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений по статье 238 Уголовного кодекса РФ // Медицинское право. — 2019. — №1. — С. 46 — 49.
5. Казакова В.А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья: монография. — М.: РУСАЙНС, 2018. — 436 с.

ПРОЛОГ:

6. Малышева Ю.Ю. «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений // Судья. — 2020. — №2. — С. 23–27.
7. Пархоменко Д.А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе // Вестник Российской правовой академии. — 2013. — № 2. — С. 64–67.
8. Пархоменко С.В., Демченко В.А. К вопросу о криминообразующих признаках халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности // Глаголь правосудия. — 2016. — № 2. — С. 32–36.
9. Патрушев С.В. Субъективные признаки преступлений, совершаемых в медицинской практике // Актуальные вопросы образования и науки. — 2017. — № 4. — С. 52–63.
10. Пашиных А.Г., Ившин И.В. Профессиональная неосторожность деяний медицинских работников // Медицинский совет. — 2009. — № 2. — С. 10–11.
11. Ситникова А.И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Медицинское право. — 2018. — №2. — С. 41–44.

REFERENCES

1. Bagmet A.M., Petrova T.N. On Necessity of Inclusion of Treatment-Induced Crimes in the Criminal Code of the Russian Federation [O neobходимosti vkl'yucheniya v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii yatrogennyh prestuplenij]. *Rossiyskiy sledovatel' — Russian Investigator*. 2016. Issue 7. Pp. 27-32. (In Russ.).
2. Davydov R.A. Time and Place of Crimes Against Life and Health of Individuals, Committed Health Care Professional for Negligence [Vremya i mesto prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya lichnosti, sovershyonnogo medicinskim rabotnikom po neostorozhnosti]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve — Gaps in Russian Legislation*. 2012. Issue 4. Pp. 145-147. (In Russ.).
3. Demchenko V.A. The Concept of Negligence of Health Workers in Professional Activities in Criminal Law [Ponyatie halatnosti medicinskih rabotnikov pri osushchestvlenii professional'noj deyatel'nosti v ugovnom prave]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*. 2016. Issue 409. Pp. 164-166. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/409/27.
4. Zamaleeva S.V. On the Qualification of Iatrogenic Crimes under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation [K voprosu o kvalifikacii yatrogennyh prestuplenij po stat'e 238 Ugolovnogo kodeksa RF]. *Meditsinskoe pravo — Medical Law*. 2019. Issue 1. Pp. 46-49. (In Russ.).
5. Kazakova V.A. Problems of Qualification of Crimes against Health [*Problemy kvalifikacii prestuplenij protiv zdorov'ya*]. Moscow, 2018. 436 p. (In Russ.).
6. Malysheva Yu.Yu. «Urgent Aspects» of Iatrogenic Crimes [«Neotlozhnye aspekty» yatrogennyh prestuplenij]. *Sud'ya — Judge*. 2020. Issue 2. Pp. 23-27. (In Russ.).
7. Parkhomenko D.A. Discretion form Representation in Criminal Laws [Formy vyrazheniya usmotreniya v ugovnom zakone]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii — Bulletin of the Russian Law Academy*. 2013. Issue 2. Pp. 64-67. (In Russ.).
8. Parkhomenko S., Demchenko V. On the Issue of Kriminalisasi Singhs of Health Wiorkers Negligence in Process of Service Activities Implementation [K voprosu o kriminoobrazuyushchih priznakah halatnosti medicinskih rabotnikov pri osushchestvlenii professional'noj deyatel'nosti]. *Glagol' Pravosudiya — Verb of Justice*. 2016. Issue 2. Pp. 32-36. (In Russ.).
9. Patrushev S.V. Subjective Signs of Crimes, which Have a Place in Medical Practice [Sub»ektivnye priznaki prestuplenij, sovershaemyh v medicinskoj praktike]. *Aktual'nyye voprosy obrazovaniya i nauki — Actual Issues of Education and Science*. 2017. Issue 4. Pp. 52-63. (In Russ.).
10. Pashinyan A.G., Ivshin I.V. Professional Negligence of the Actions of Medical Workers [Professional'naya neostorozhnost' deyanij medicinskih rabotnikov]. *Meditsinskiy sovet — Medical Council*. 2009. Issue 2. Pp. 10-11. (In Russ.).
11. Sitnikova A.I. Iatrogenic Crimes: Criminal Law and Procedural Aspects [Yatrogennye prestupleniya: ugovno-pravovoj i processual'nyj aspekty]. *Meditsinskoye pravo — Medical Law*. 2018. Issue 2. Pp. 41-44. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пархоменко Светлана Валерьевна (Иркутск) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1, e-mail: psvet@mail.ru).

Демченко Василий Александрович (Кемерово) — прокурор отдела по надзору за соблюдением прав предпринимателей управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Кемеровской области — Кузбасса (650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 24, e-mail: vasilii.demchenko.1996@mail.ru).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ / PROLOGUE: LAW JOURNAL

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Parhomenko, Svetlana V. (Irkutsk) – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal and Legal Disciplines, Irkutsk Juridical Institute (Branch), University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation (Shevtsov str., 1, Irkutsk, 664035, e-mail: psvet@mail.ru).

Demchenko, Vasily A. (Kemerovo) – Prosecutor, Department on supervision of observance of the rights of entrepreneurs of Department for Supervision over Execution of Federal Legislation (Kemerovo region, Kuzbass), (Krasnaia str., 24, Kemerovo, 650000, e-mail: vasiliiy.demchenko.1996@mail.ru).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9.01, 343.85
ББК 67.51

Н.С. Маркова,
*Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8234-9198
ResearcherID: AAY-3915-2020*

А.М. Бычкова,
*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020*

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020 — № 3. — С. 43 — 53.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6.
Дата поступления: 20 августа 2020 г.

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается проблема насаждения идеологии консьюмеризма, в которой материальные блага и личный комфорт представляются как смысл жизненного пути, а духовное развитие человека отходит на второй план, как нечто архаичное и ненужное. Кризис культуры предлагается рассматривать как неизбежный этап в развитии общества, сопровождающийся кризисом ценностной сферы и появлением субкультур, некоторые из которых оказывают положительное влияние на культуру, развивая и обогащая её, а другие — такие как криминальная субкультура — становятся чрезвычайно опасными, в связи с чем вернее назвать эту сферу «контркультурной». Криминальная субкультура характеризуется автором как совокупность исторически сложившихся обычаев, традиций, норм и правил поведения людей, пренебрегающих нормами права и морали, занимающихся преступной деятельностью, пропагандирующих преступные идеи и преступный образ жизни. Особую опасность криминальная субкультура представляет для детей, подростков и молодежи. В статье отмечены актуальные изменения в правовом противодействии движению «АУЕ»: признание Верховным судом РФ международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» экстремистской организацией и вынесение первого приговора за пропаганду преступной идеологии. Представлена информация о законодательных инициативах в сфере противодействия распространению криминальной субкультуры. При этом авторы приходят к выводу, что необходимо создать единую информационную концепцию пропаганды правовых знаний среди населения, популяризировать правовую культуру, порицать и осуждать противоправное поведение, развеивать мифы о романтике преступной жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Культура; кризис культуры; криминальная субкультура; правовая культура; контркультура; преступность несовершеннолетних; АУЕ; правовое воспитание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Маркова Н.С., Бычкова А.М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 43–53. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6.

N.S. Markova,
Dorji Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8234-9198
ResearcherID: AAY-3915-2020
A.M. Bychkova,
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

**CRIMINAL SUBCULTURE AMONG YOUNG PEOPLE
 AS A CRIMINOLOGICALLY SIGNIFICANT PROBLEM IN THE
 CONTEXT OF THE MODERN CULTURE CRISIS**

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2020. — № 2. — Pp. 43–53.
 ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6.
 Submission date: August 20, 2020.

ABSTRACT

The article raises the problem of inculcating the ideology of consumerism, in which material goods and personal comfort are presented as the sense of life, and the spiritual development of a person fades into the background, as something archaic and unnecessary. The authors consider the cultural crisis as an inevitable stage in the development of society, accompanied by a value spheres crisis and an emergence of subcultures, some of which have a positive influence on the culture, developing and enriching it, while others, such as criminal subculture become extremely dangerous, therefore it is more correctly to call this area the «counterculture». Criminal subculture is characterized by the author as a set of historically established customs, traditions, norms and rules of behavior of people who disregard the norms of law and morality, deal with criminal activities, promote criminal ideas and criminal lifestyle. The criminal subculture is particularly dangerous for children, teenagers and young people. The article highlights current changes in the legal counteraction to the Prisoner's Way of Life (AUE) movement: the international public movement «Prisoner's Way of Life (AUE)» is recognized by the Supreme Court of the Russian Federation as an extremist organization and there was the first sentence for propaganda of criminal ideology. The article presents the information on legislative initiatives in the field of countering the spread of criminal subculture. At the same time, the authors conclude that it is necessary to create a unified information concept for the legal knowledge promotion among the population, to popularize the legal culture, to condemn illegal behavior, and to dispel myths about the romance of criminal life.

ПРОЛОГ:

**ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /
 PROLOGUE:
 LAW JOURNAL**

Markova N.S., Bychkova A.M. Criminal Subculture
 Among Young People as a Criminologically
 Significant Problem in the Context of the Modern
 Cultural Crisis

Маркова Н.С., Бычкова А.М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности

KEYWORDS

Culture, cultural crisis, criminal subculture, legal culture, counterculture, juvenile delinquency, AUE, legal education.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Markova N.S., Bychkova A.M. Criminal Subculture Among Young People as a Criminologically Significant Problem in the Context of the Modern Cultural Crisis [Kriminal'naya subkul'tura v molodezhnoy srede kak kriminologicheski znachimaya problema v kontekste krizisa kul'tury sovremennosti]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 43 – 53. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6.

Выдающийся немецко-американский психолог и мыслитель XX века Эрих Фромм с поразительной точностью описал нарастающий кризис духовных ценностей: «Капиталистическая экономика, основанная на свободе рынка и приватизации, коммерциализирует всё общество, все его структуры, среди них и человека, подчиняя их культу денег. Всё становится товаром, предметом купли-продажи, в том числе профессии, занятия, статусы. Следствием этого становится самоотчуждение человека, потеря им своей гуманистической сущности. Человек превращается в служащий экономической машине инструмент, который заботится об эффективности и успехе, а не о счастье и развитии души» [11].

Как отмечает О.С. Алейникова, в таких условиях смены человеческих ценностей, современная культура переживает состояние кризиса, затрагивая все сферы бытия. Так, в духовно-нравственной области происходит разрушение традиционных ценностных ориентаций, норм общественной жизни, ощущение огромным числом людей страха, бессмысленности и бесперспективности их деятельности, нарушение эмоциональной связи между людьми, рост отчужденности, изолированности человека в обществе, разгул преступности, наркомании и алкоголизма. В трудовой деятельности происходит падение престижа трудовой деятельности и профессионального образования, сужение сферы культурно-творческой деятельности, ориентация на потребление. В этнической области идут процессы дезинтеграции и размежевания в межнациональных отношениях, приводящие к межэтническим конфликтам, разрушение интернационалистских установок и оживление национализма, экстремизма, терроризма, религиозного фанатизма. Происходит экспансия западных образцов массовой культуры, образа жизни и ориентаций на культуры других народов и подрыв национального культурного достояния. В экологической сфере нарастает опасность уничтожения биологических условий жизни, угроза физического

самоуничтожения человека в результате экологической катастрофы и генетического вырождения [см.: 1, с.69-75].

Кризис культуры явление не новое, можно сказать даже неизбежное, благодаря которому происходит процесс преобразования культуры, культурных ценностей либо их исчезновение. Согласимся с точкой зрения А. Вебера о том, что «...культура динамична, но в ее бытии неизбежно наступает момент остановки, когда всё начинают переосмысливать» [4].

По мнению известного социолога П.А. Сорокина, кризис культуры представляет собой переход от одной формы культуры к другой в качестве доминантной, сопровождающийся сменой ценностей: «Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра». При этом «доминирующей культуре свойственен регресс, который затем преобразует новую форму культуры, которой суждено стать доминирующей в обществе» [8].

В условиях кризиса культуры возникают и стремительно развиваются субкультуры, которые являются показателем возникшего конфликта ценностей и норм поведения. С нашей точки зрения, субкультуры, в целом, не противопоставляют, а скорее дополняют современную культуру иными элементами, тем самым создавая условия для ее развития и прогресса, предоставляя культуре возможность избежать состояния стагнации и регресса. Однако, говоря о такой разновидности субкультуры как криминальная, стоит использовать термин *контркультура современности*, поскольку криминальная субкультура носит исключительно негативный характер и всем своим содержанием противопоставляется культуре как таковой.

Криминальная субкультура в российском обществе представляет собой совокупность исторически сложившихся обычаев, традиций, норм и правил поведения людей, пренебрегающих нормами права и морали,

занимающихся преступной деятельностью, пропагандирующих преступные идеи и преступный образ жизни.

Вышеизложенное позволяет криминальной субкультуре быть основным механизмом воспроизводства преступных кадров и преступности в целом [7, с. 110–111]. В итоге создается целый преступный мир, с собственной системой ценностей, неписанными правилами, строгой иерархией и жесткими требованиями. В современных условиях культурного кризиса, утраты нравственных идеалов, представители криминального мира активно распространяют и насаждают преступную философию, в первую очередь среди детей и подростков, как наиболее уязвимой и внушаемой части населения (будущее страны). Главная опасность криминальной субкультуры кроется именно в том, что в недалеком будущем именно она может стать доминирующей культурой в нашей стране благодаря огромному числу ее участников.

Нормы и ценности криминальной субкультуры являются мощными регуляторами индивидуального поведения, обладают высочайшей степенью референтности в силу действия механизмов психического заражения, подражания, прессинга, постоянно создающими ситуацию психической травмы для молодого человека. Без преувеличения можно сказать, что криминальная субкультура — основной механизм криминализации молодежной среды [6].

Безусловно, опаснейшим проявлением криминальной субкультуры является её распространение среди несовершеннолетних, принимающее за последние годы массовый характер во всей России. Будучи навязываемой подросткам и молодежи, она служит механизмом сплочения преступных групп, затрудняет, искажает или блокирует процесс социализации личности, а также стимулирует криминальное поведение.

Можно предположить, что криминальная субкультура привлекает подростков своими атрибутами, в виде сленга, фольклора и пр., имеющих налет некой таинственности, романтики и скрытости от взрослых. Как правило, знакомство с криминальной субкультурой, ее элементами происходит на улице, в среде неформальных группировок несовершеннолетних лиц молодежного возраста. Но специфика современного информационного общества заключается в том, что большой популярностью пользуются различные группы в социальных сетях («ВКонтакте», «Instagram», «YouTube» и пр.), пропагандирующие идеи криминального мира и активно призывающие

придерживаться преступных понятий и правил. В одной из крупнейших российских соцсетей сегодня насчитывается 39 тысяч «АУЕ-групп», в которых в совокупности состоит более 6,5 миллиона пользователей, среди которых распространяются экстремистские идеи и призывы к насильственным действиям в отношении силовиков¹.

Криминальные движения подростков в стране уже давно не являются чем-то новым, «из ряда вон выходящим». Достаточно посмотреть на парты в образовательных учреждениях, туалеты, и заборы, которые пестрят уголовной символикой, аббревиатурами с преступными лозунгами («ЛХВС», «АУЕ», «жизнь вора», «смерть легавым» и пр.), чтобы понять, насколько сильно поражено криминальными установками сознание подрастающего поколения.

В последние годы в регионах Сибири активно набирает обороты молодежное движение «АУЕ», что расшифровывается как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство» и звучит как девиз или клич. Участники этого движения — молодые люди и девушки, которые разделяют криминальные установки и убеждения, живут не по закону, а «по понятиям», уставленным в преступном мире, регулярно общаются с участниками этого движения, вкладываются в «общак».

Не так давно проблема движения «АУЕ» стала известна на всю Россию благодаря вниманию со стороны ответственного секретаря Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Яны Лантратовой. В декабре 2016 года она заявила ходе встречи членов Совета с главой государства: «Тема, которая требует немедленного разрешения, — это криминальная субкультура АУЕ ... В тюрьме сидит человек и у него есть свои «смотрящие» на воле и связываются в том числе с детьми, с подростками в социальных учреждениях, устанавливая свои порядки. И детей, и подростков заставляют сдавать на так называемый общак для зоны. А если ребенок не может сдать деньги или не может украсть и совершить какое-нибудь преступление, он переходит в разряд «опущенных» — у него отдельная парта, отдельная посуда, его можно избивать, его можно насиловать». Распространение уголовной идеологии среди подростков она назвала угрозой национальной безопасности².

¹ В России запретили движение АУЕ. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/aue/>.

² Путин пообещал рассмотреть меры по противодействию влиянию на детей тюремной субкультуры. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3854196>.

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

Можно предположить, что молодежные криминальные движения существовали и раньше, просто конкретного наименования у них не было, но именно в последнем десятилетии стал очевидным их преступный профессионализм, массовость, вовлечение детей всех возрастов и всех социальных групп. Интернет, как лакмусовая бумажка, продемонстрировал, насколько глубоко происходит деформация сознания участников этого движения, какие жестокие и циничные преступления совершают подростки, не испытывая ни жалости, ни сострадания, ни стыда, ни вины, ни малейших признаков раскаяния.

Так, в 2016 году в Забайкальском крае воспитанники коррекционной школы-интерната совершили вооруженное нападение на местный отдел полиции, пытаясь освободить своего друга, ранее задержанного. Несовершеннолетние разбили несколько камер видеонаблюдения отдела полиции, повредили служебный автомобиль и вывеску на здании.

В Красноярском крае в Белореченской воспитательной колонии массовые беспорядки начались с выкрика «АУЕ!». Зачинщиком, по данным краевого Следственного управления Следственного комитета РФ был один из «смотрящих» за колонией [12].

В марте 2020 г. 14-летний и 12-летний сторонники АУЕ жестоко избили и изнасиловали 8-летнего ребенка, который, по их словам, поступил не по понятиям, нарушив правила игры «правда или действие». Этой же весной посетители торгового центра города Каменск-Уральский в Свердловской области были вынуждены вызвать несколько нарядов полиции из-за буйных подростков, нападавших на людей. Когда полицейские прибыли, около десятка сторонников АУЕ накинулись на них с кулаками, следуя идеологии движения³.

Несмотря на это, представители некоторых силовых ведомств характеризуют движение АУЕ как всего лишь как «модную тенденцию» и «нездоровую романтичность тюремного образа жизни». Так, пресс-служба УМВД по Забайкальскому краю заявляет: «С учетом того, что нет организаторов, лидеров АУЕ, нет никакой финансовой поддержки, нет устава... мы делаем вывод о том, что АУЕ как движения не существует»⁴.

³ В России запретили движение АУЕ. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/>.

⁴ Прокуратура края назвала деятельность субкультуры АУЕ умеренной. URL: https://zab.ru/news/94451_prokuratura_kraya_nazvala_deyatelnost_sub_kultury_aue_umerennojekstra.

Между тем, в 2018 году студенткой юридического факультета Бурятского государственного университета А.В. Эповой было проведено исследование, в рамках которого анкетировались подростки, проживающие на территории Республики Бурятия и Забайкальского края. 82% респондентов, проживающих в Забайкальском крае, ответили, что знают о существовании криминального движения АУЕ в своем регионе; в Республике Бурятия о существовании АУЕ осведомленными оказались 62% респондентов [13, с. 217].

Как отмечала Яна Лантратова, «...в интернете распространены группы, пропагандирующие идеологию воров в законе с количеством подписчиков от 85 тыс. до 800 тыс. человек, среди которых дети и подростки. Это качественные видеоматериалы, это саундтреки, записанные песни и сувенирная продукция, которая производится этими группами, что дает нам понимание, что за этим стоят большие деньги и заинтересованные люди»⁵.

Исследование возрастного состава участников 10-ти самых многочисленных по числу подписчиков сообществ соответствующей тематики, функционирующих «ВКонтакте» по состоянию на январь 2018 г. и незаблокированных на тот период, показало, что лица, обозначившие свой возраст в границах от 14 до 18 лет, составляли в этих пабликах от 10 до 40 процентов от общего числа подписчиков, наименьшее число участников — в возрасте 14-ти лет, далее в возрасте 15,16 и 17 лет — по нарастающей [9, с. 96-99].

На момент исследования в январе 2018 г. в YouTube у канала «Арестантский уклад един» (<https://www.youtube.com/channel/UCpdr2tWl-PRtt1kaYfkxCEQ>) было без малого 70 тыс. подписчиков [3, с. 29], по состоянию на 18 сентября 2020 года этого канала уже 251 тыс. подписчиков и — несмотря на то, что при попытке перейти на главную страницу канала происходит переход на страницу с записью «Этот канал недоступен для просмотра в вашей стране», сами видео легко находятся и просматриваются через поисковые сервисы, а при использовании VPN можно легко получить доступ ко всему контенту канала прямо на YouTube. Во всяком случае, издание Lenta.ru еще в 2018 году сообщало, что «за два года существования канала число просмотров роликов на нем исчислялось 25 млн.

У канала PrimeCrimeRu (<https://www.youtube.com/user/PrimeCrimeRu>) по состоя-

⁵ Путин пообещал рассмотреть меры по противодействию влиянию на детей тюремной субкультуры. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3854196>.

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

нию на январь 2018 г. насчитывалось почти 57 тыс. подписчиков [3, с. 29], по состоянию на 18 сентября 2020 г. их уже 233 тыс., а статистика по числу просмотров выдает цифру в 305 909 847 просмотров. При этом, в отличие от канала «Арестантский уклад един», этот канал доступен для просмотра в нашей стране уже без необходимости использовать VPN и прокси-серверы.

Также вольготно чувствуют себя и деятели канала «Всё о тюрьме» (<https://www.youtube.com/channel/UC8HrfrI31d4-rMFLuBPJ2mQ>), который, по данным, полученным в начале 2018 г., насчитывал почти 30 тыс. подписчиков, а количество просмотров «обучающих» и «просвещающих» видеороликов исчислялось сотнями тысяч. В сентябре 2020 г. на канал подписаны 684 тыс. пользователей, а статистика по числу просмотров составляет 170 030 931.

Издание Lenta.ru описывает «историю успеха» «самого популярного зэка на YouTube» украинца Сергея Новика, который большую часть жизни провел за решеткой. Впервые он появился на известном видеохостинге совершенно случайно: его сокамерник Андрей Щадило решил снять своеобразный фильм о жизни в той тюрьме, где сидел Сергей Новик по кличке Мопс. Сокамерник сначала несколько секунд показывал антураж помещения, а оставшееся время пытался унижить Новика, обзывая его «гребнем» (пассивным гомосексуалистом) и унижая на камеру.

«Несмотря на откровенно слабую информативность, ролик разошелся по сети. Школьники и студенты не только делились между собой видеозаписью, но и растащили ее на цитаты: язык Мопса и его сокамерников разительно отличался от всего того, что было популярно на YouTube в 2014 – 2015 годах», — пишет А. Глинкин.

Популярность подобных каналов с АУЕ-тематикой журналист объясняет следующими причинами:

— во-первых, многие россияне непреднамеренно романтизируют происходящее в местах заключения. Герои сериалов и телефильмов создают образ заключенного-мученика, страдающего за решеткой: с одной стороны его атакуют сокамерники, с другой — тюремщики. Однако люди забывают, что в подавляющем большинстве случаев перед ними оказывается настоящий преступник, который совершил противоправные действия, за что и понес заслуженное наказание. Кроме того, не секрет, что основная аудитория Мопсов, Кентов и других «героев» — школьники, мечтающие увидеть насилие в прямом эфире.

Они готовы отправлять зэкам мамыны деньги, чтобы те обзывали и избивали друг друга во время стрима.

— во-вторых, благодаря YouTube-блогерам у пользователей появилась возможность узнать, что же действительно происходит в стенах исправительных учреждений. Телевидение не может показать всю правду из-за цензуры: часто обстановка в тюрьмах (особенно региональных) сильно отличается от той, которая должна быть по закону. Да и речь арестантов почти целиком состоит из мата, который приходится записывать. На YouTube же подобной проблемы нет: бывшие зэки ведут себя максимально развязно и без стеснения болтают на абсолютно любые темы, будь то гомосексуальные похождения или поедание фекалий.

— в-третьих, многие посетители видеохостинга элементарно устали от топовых рафинированных блогеров, полагает автор Lenta.ru. Постоянно смеющиеся Ивангаи и Мамиксы способны утомить даже детей. В то же время ниша развлечения низшего класса была относительно свободна, чем и воспользовался Мопс Дядя Пес.

«Однако популярность подобных персонажей несет и некоторую опасность. Раньше детишки смотрели на видеоблогеров и мечтали делать свои ролики для YouTube, но после просмотра видео с участием Сергея Новика они могут задуматься о том, что гонорары можно получать и за избиение» — верно подмечает А. Глинкин [5].

На наш взгляд, заражение подростков криминальными убеждениями, взглядами, мышлением носит глубоко спланированный, продуманный характер со стороны лиц, которым выгодно будущее страны с преступным населением, живущим по выдуманному, навязанному, искаженному криминальным понятиям, вследствие чего легко управляемым.

Можно предположить, что «АУЕ» как клич, как некое молодежное движение — это лишь мода, которая, достигнув пика, пойдет на спад, но сама проблема устойчивой и воспроизводимой криминализации молодежной среды была, есть и будет. Трансформация сознания подростков под влиянием «псевдоромантической» криминальной культуры приводит к совершению преступлений, с присутствием чувства безнаказанности и внутреннего самооправдания по преступным «понятиям». Вследствие этого закаляется чувство вседозволенности, неконтролируемости, безудержного преступного поведения. В таком беспредельном, зарвавшемся, социально дезориентированном поведении подростку может быть

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

безразлично, какие именно буквы и лозунги он берет себе на щит (или ему навязывают извне). В данной ситуации ему важно выразить свои возрастные проблемы протестным, асоциальным поведением, через асоциальные механизмы, свойственные подростковому возрасту в нашей культуре [10, с. 82–98.] Вчерашний подросток с криминальными убеждениями становится взрослым преступником с устойчивой антиобщественной установкой.

17 августа 2020 г. Верховный суд России постановил признать международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» экстремистской организацией. Теперь действия лиц, пропагандирующих идеи движения и склоняющих к криминальной деятельности молодежь, попадают под статью 282.1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества»). Максимальное наказание предусматривает до 12 лет лишения свободы и штрафом до 700 тысяч рублей⁶.

Примечательно при этом, что спустя месяц после этого решения на сайте Министерства юстиции РФ не отражены последствия данного акта Верховного суда РФ в виде внесения международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» в Перечень запрещенных организаций, как это происходит в отношении прочих организаций, признанных экстремистскими⁷.

В сентябре 2020 г. в России был вынесен первый приговор за пропаганду «АУЕ-идей»: в отношении А. Зуева, а также супружеской пары Бабарика. «В зависимости от роли и степени участия они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества), ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). В суде установлено, что Н. Бабарика в ноябре 2011 года, являясь последователем движения АУЕ, пропагандирующего криминальный образ жизни и совершение противоправных действий в отношении

сотрудников правоохранительных органов, находясь в г. Оренбурге совместно с неустановленным лицом, материалы в отношении которого выделены в отдельное производство, создали экстремистское сообщество под названием АУЕ, в состав которого вошли его супруга и Зуев. В период с ноября 2011 года по май 2018 года Н. Бабарика опубликовал в сообществе АУЕ в сети «Интернет» около 30 тысяч материалов, в том числе содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В начале марта 2017 года его супруга добровольно вступила в экстремистское сообщество, организатором которого являлся Н. Бабарика. В её обязанности входило распространение предметов с символикой движения, их реализация и администрирование интернет-сообщества. Женщина разместила около 2 тысяч материалов на тему экстремистского движения, в том числе содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В период с марта по сентябрь 2017 года Зуев систематически предоставлял подсудимой свой аккаунт для администрирования сообщества, а также ведения переговоров с подписчиками групп по распространению им предметов с символикой движения. В июне 2017 года он создал в социальной сети сообщество, в котором опубликовал материалы, касающиеся деятельности движения АУЕ, а также размещал рекламу об изготовлении и продаже предметов с символикой данного движения. Зуев произвёл и реализовал в интересах экстремистского сообщества продукцию с символикой движения на сумму не менее 80 тыс. рублей. Бабарика реализовал в интересах экстремистского сообщества продукцию с символикой движения на общую сумму не менее 30 тыс. рублей. Преступная деятельность руководителя и участников экстремистского сообщества пресечена сотрудниками правоохранительных органов в мае 2018 года.

Суд назначил Николаю Бабарике наказание в виде 7 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, Артему Зуеву — в виде 3 лет 9 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, Наталье Бабарике в виде 4 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года. Осужденным также назначено дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и каналов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей,

⁶ Егоров И. Тюремные игры. Верховный суд признал АУЕ экстремистской организацией // Российская газета. — 2020. — 17 авг.

⁷ Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Законом «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (Дата обращения: 18 сент. 2020 г.).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

– Николаю Бабарике на 4 года, Зуеву и Наталье Бабарике на 3 года»⁸.

Напомним также, что в Государственную Думу еще в 2017 году был внесен законопроект №318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры», в котором предлагалось дополнить статью четвертую Закона «О средствах массовой информации» частью 9 следующего содержания: «Запрещается в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях пропаганда криминальной субкультуры, которая выражается в распространении информации о социокультурных ценностях преступного мира, направленной на формирование привлекательности криминального образа поведения».

Кроме этого, законопроект предполагал включение «информации, пропагандирующей криминальную субкультуру» в перечень информации, запрещенной для распространения среди детей (ч. 2 ст. 5 Закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). В действующей редакции п. 5 ч.2 ст. 5 Закона №436 к таковой относится информация, «пропагандирующая противоправное поведение». Кроме того, в случае принятия соответствующих поправок, Роскомнадзор получил бы право блокировать сайты, контент которых формирует представление о привлекательности криминального образа жизни, во внесудебном порядке⁹.

Однако данный законопроект не был поддержан Правительством РФ, а 25 октября 2018 г. был отклонен и Государственной Думой по причине того, что Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи призвал депутатов не поддерживать инициативу «в силу избыточности новаций законопроекта». Примечательно, что за отклонение законопроекта проголосовало 19 чел. (4,2%), против — 0 чел., воздержался 1 чел. (0,2%), не голосовало 430 чел. (95,6%). Таким образом, на обсуждении столь важной для общества проблемы отсутствовали более 95% депутатов.

⁸ Иванов А. В России вынесен первый приговор за пропаганду АУЕ. URL: https://zavtra.ru/events/v_rossii_vinesen_pervij_prigovor_za_propagandu_aue.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры: проект федер. закона №318286-7. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/318286-7>.

В 2020 году к этой теме законодателю снова пришлось вернуться: член Совета Федерации А.Д. Башкин внес законопроект, в котором предлагается внести в законодательство подробное описание действий по пропаганде криминальных ценностей для недопущения их и доработать законодательные механизмы их профилактики. Законопроект предусматривает и возможность досудебного ограничения доступа к сайтам интернете, содержащим информацию, формирующую и поддерживающую криминальную субкультуру, включая создание интернет-сообществ¹⁰.

Таким образом, стоит признать, что государство крайне запоздало начало принимать меры и оказывать необходимую помощь в противодействии криминальному движению в стране. Однако правовыми мерами в противодействии криминальной субкультуре не обойтись. Большая часть населения не совершает преступления и иные противоправные действия не из-за страха уголовного преследования, а из собственных моральных принципов и воспитания. Поэтому наличие правовых запретов на участие в движениях, пропагандирующих криминальную субкультуру, не искоренит существенным образом саму проблему вовлеченности молодых людей, подростков и детей в криминальную сферу. К тому же, «мода на преступную романтику» — это огромные прибыли не только через трансляцию в интернете, но и на телевидении и радио. Неслучайно, параллельно с информацией о признании АУЕ экстремистским движением в СМИ начали активно обсуждать судьбу исполнителей соответствующих песен и радиостанций, которые бесконечно их транслируют¹¹.

Безусловно, борьба с криминальной субкультурой и преступными движениями в обществе должна носить комплексный и по-

¹⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационные технологии и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации: проект федер. закона № 1009841-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7>.

¹¹ Кузнецов Е. Шансон мимо кассы. Как запрет АУЕ скажется на заработке исполнителей блатняков. URL: <https://life.ru/p/1341188>; Джей А. Не запретят ли шансон из-за решения Верховного суда РФ об АУЕ? URL: https://aif.ru/society/law/ne_zapretyat_li_shanson_iz-za_resheniya_verhovnogo_suda_rf_ob_aue.

стоянный характер. Из числа всех мер, которые могут быть направлены на решение этой проблемы, нам хотелось бы, в первую очередь, выделить культурное и правовое воспитание населения, способствующее формированию или «излечению» сознания граждан. К сожалению, воспитанию личности в современных условиях уделяется недостаточно внимания, органы государственной власти не проявляют должной заинтересованности в этом, а ведь именно воспитание есть один из главных рычагов по предупреждению преступности в стране и мире.

На наш взгляд, необходимо создать единую информационную концепцию пропаганды правовых знаний среди населения, в частности в молодежной среде, популяризировать правовую культуру, порицать и осуждать противоправное поведение, развеивать мифы о романтике преступной жизни. Необходимо увести детей с улиц, организовав положительный досуг, в виде посещения спортивных

секций, клубов, сделав их доступнее для всех социальных категорий. Также актуальным представляется внедрение систематического правового воспитания в образовательных учреждениях, в целях недопущения деформации нравственного и правового сознания у детей, к которому так активно стремятся представители преступного мира. В процессе правового воспитания у учащихся должны формироваться не только глубокие, обширные и системные знания права, но и положительные эмоционально-чувственные правовые убеждения в их большой ценности, постоянная волевая готовность к правомерному поведению [2, с.4–16]. С раннего возраста ребенок восприимчив к усвоению нравственных норм, поэтому так важно с детства воспитывать в нем положительные качества личности для его нравственного, психического и физического развития и в дальнейшем становлении здоровой личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейникова О.С. Влияние культурного кризиса на проявление социального одиночества в современной России // Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции / под ред. В.В. Парцвания. — Вып. 3. — СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. — С. 69-75.
2. Бондарев А.С. Правовая пропаганда и обучение — формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2008. Вып.1. — С.4–16.
3. Бычкова А.М. Мультиплицирующий эффект социальных сетей в воспроизводстве криминальной субкультуры // Криминологические чтения: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию одного из основателей юридического факультета Бурятского государственного университета, прокурора Республики Бурятия (1961–1986 гг.), Заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Бурятия, профессора Бурятского государственного университета Б.Ц. Цыденжапова (1928–2009 гг.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Н.С. Марков. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. — С. 24-31.
4. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1998. — 565 с.
5. Глинкин А. Арестантский канал един. Сидельцы покоряют YouTube и учат молодежь жить по понятиям. — URL: <https://lenta.ru/articles/2018/04/22/zeki/>.
6. Гусев М.В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России / М.В. Гусев // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2007. — № 5. С. 106-111.
7. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2007. — 704 с.
8. Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
9. Суходолов А.П. Запретительная политика государства в сфере средств массовой информации: анализ законодательства и правоприменительной практики / А.П. Суходолов, М.П. Рачков, А.М. Бычкова. — Москва: Аргументы недели, 2018. — 224 с.
10. Устюжанин Ф.Р. Пагубная привлекательность асоциальных подростковых субкультур: новый виток криминальной ориентации // Развитие личности. - 2018. — Вып.3. — С.82–98.
11. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. — М., 1990. — 160 с.
12. Тарасов А. Страна из трех букв. АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или хроники новой пионерии // Новая газета. — 2017. — 6 июня.
13. Эпова А.В. Региональные особенности преступности несовершеннолетних (по материалам Республики Бурятия и Забайкальского края) // Криминологические чтения: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию одного из основателей юридического факультета Бурятского государственного университета, прокурора Республики Бурятия (1961–1986 гг.), Заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Бурятия, профессора Бурятского государственного университета Б.Ц. Цыденжапова (1928–

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

2009 гг.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Н.С. Марков. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2018. — С. 213-219.

REFERENCES

1. Alejnikova O.S. The Impact of the Cultural Crisis on the Manifestation of Social Loneliness in Modern Russia [Vliyanie kul'turnogo krizisa na proyavlenie social'nogo odinochestva v sovremennoj Rossii]. *Chelovek postsovetского prostranstva* (Man of the Post-Soviet Space). Saint Petersburg, 2005. Issue 3. Pp. 69-75. (In Russ.).
2. Bondarev A.S. Law Propaganda and Law Training — the Law Education Forms: Notion and Means Influence [Pravovaya propaganda i obuchenie — formy pravovogo vospitaniya: ponyatie i sredstva vozdejstviya]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2008. Issue 1. Pp. 4-16. (In Russ.).
3. Bychkova A.M. The Multiplying Effect of Social Networks in Reproduction of Criminal Subculture [Mul'tipliciruyushchij effekt social'nyh setej v vosproizvodstve kriminal'noj subkul'tury]. *Kriminologicheskie Chteniya: Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (Criminological Readings: Materials of the XIII All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation). Ulan-Ude. 2018. Pp. 24-31. (In Russ.).
4. Weber A. Selected: the Crisis of European Culture [Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury]. Saint Petersburg, 1998. 565 p. (In Russ.).
5. Glinkin A. The Prisoner Channel is One. Inmates Conquer YouTube and Teach Young People to Live by Their Concepts. [Arestantskij kanal edin. Sidel'cy pokoryayut YouTube i uchat molodezh' zhit' po ponyatijam]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2018/04/22/zeki>. (In Russ.).
6. Gusev M.V. The Problem of the Spread of the Criminal Subculture in Russia [Problema rasprostraneniya kriminal'noj subkul'tury v Rossii]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta — Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. 2007. Issue 5. Pp. 106-111. (In Russ.).
7. Pirozhkov V. F. Criminal Psychology [Kriminal'naya psihologiya]. Moscow, 2007. 704 p. (In Russ.).
8. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society [Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo]. Moscow, 1992. 543 p. (In Russ.).
9. Sukhodolov A.P., Rachkov M.P., Bychkova A.M. Prohibitive Policy of the State in the Sphere of Mass Media: Analysis of Legislation and Law Enforcement Practice [Zapretitel'naya politika gosudarstva v sfere sredstv massovoi informatsii: analiz zakonodatel'stva i pravoprimitel'noi praktiki]. Moscow, Argumenty nedeli Publ., 2018. 224 p. (In Russ.).
10. Ustuzhanin P. Destructive Attractiveness of Teenagers' Asocial Subcultures: New Round of Criminal Orientations [Pagubnaya privlekatel'nost' asocial'nyh podrostkovyh subkul'tur: novyj vitok kriminal'noj orientacii]. *Razvitie lichnosti — Development of Personality*. 2018. Issue 3. Pp. 82-98. (In Russ.).
11. Fromm E. Psychoanalysis and Religion [Psihoanaliz i religiya]. *Sumerki bogov* (Twilight of the Gods). Moscow, 1990. (In Russ.).
12. Tarasov A. Country of Three Letters. AUE: Who is Behind the Criminalization of Adolescents, Introduces Them into the Criminal Space, or Chronicles of the New Pioneer [Strana iz trekh bukv. AUE: Kto stoit za kriminalizaciej podrostkov, vvodit ih v prestupnoe prostranstvo, ili hroniki novoj pionerii]. *Novaya gazeta — New Newspaper*. 2017. June 6th. (In Russ.).
13. Epova A.V. Regional Features of Juvenile Delinquency (Based on Materials from the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory) [Regional'nye osobennosti prestupnosti nesovershennoletnih (po materialam Respubliki Buryatiya i Zabajkal'skogo kraya)]. *Kriminologicheskie Chteniya: Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (Criminological Readings: Materials of the XIII All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation). Ulan-Ude. 2018. Pp. 213-219. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Надежда Сергеевна (Улан-Удэ) — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (670000, Республика Бурятия г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: mihahanovanadezhda@mail.ru).

Бычкова Анна Михайловна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), эксперт Федеральной службы РФ по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: amb-38@mail.ru).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ / PROLOGUE: LAW JOURNAL

Markova N.S., Bychkova A.M. Criminal Subculture Among Young People as a Criminologically Significant Problem in the Context of the Modern Cultural Crisis

Маркова Н.С., Бычкова А.М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Markova, Nadezhda S. (Ulan-Ude) – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Dorji Banzarov Buryat State University (Sukha Bator str., 6, Ulan-Ude, 670000, e-mail: mihahanovanadezhda@mail.ru).

Bychkova, Anna M. (Irkutsk) – PhD in Law, Ass. Professor, Head, Department of Scientific Researches, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Expert, Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. (Nekrasovst., 4, 664011, Irkutsk, e-mail: amb38@mail.ru).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК: 347.963
ББК: 67.721

Ю.А. Саранова,
*Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0459-6791
ResearcherID: AAZ-7731-2020*

Ю.В. Хармаев,
*Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9399-0768
ResearcherID: P-7083-2015*

К ПРОБЛЕМЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ТРЕБОВАНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРИЕМЕ, РЕГИСТРАЦИИ И РАЗРЕШЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 54–62.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.7.
Дата поступления: 28 августа 2020 г.

АННОТАЦИЯ

Предметом данного исследования является надзорная функция прокуратуры за деятельностью органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении. Авторы рассматривают три взаимосвязанных сферы, где роль прокурорского надзора в этом направлении особенно важна: восстановление прав человека и гражданина, защита общественных и государственных интересов; соблюдение учетно-регистрационной дисциплины; формирование достоверной правовой статистики. Представлены данные исследования проблемы преступности в российском обществе, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения. Анализируются статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации при осуществлении надзора за исполнением органами предварительного расследования уголовно-процессуального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях за январь-декабрь 2019 г. Обращается внимание чрезвычайно низкий удельный вес уголовных дел, возбужденных по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Рассмотрена проблема укрытия преступлений от регистрационного учета. Указывается, что прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении необходим не только для своевременной защиты прав потерпевших, но и для правильной оценки складывающейся криминогенной обстановки, что особенно актуально в контексте модернизации

сферы правовой статистики, в которой ведущая координирующая и организационная роль отведена Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Права человека; прокуратура; прокурорский надзор; отказ в возбуждении уголовного дела; учет преступлений; укрытие преступлений от учета; правовая статистика; государственная автоматизированная система правовой статистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Саранова Ю.А., Хармаев Ю.В. К проблеме прокурорского надзора за исполнением органами дознания и предварительного следствия требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 54–62. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.7.

Yu. A. Saranova,
Dorji Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0459-6791
ResearcherID: AAZ-7731-2020

Yu. V. Kharmaev,
Dorji Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9399-0768
ResearcherID: P-7083-2015

TTO THE PROBLEM OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES' EXECUTION OF THE FEDERAL LEGISLATION REQUIREMENTS WHEN RECEIVING, REGISTERING AND RESOLVING REPORTS ON CRIMES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2020. — № 3. — Pp. 54–62.
 ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.7.
 Submission date: August 28, 2020.

ABSTRACT

The subject of this study is the supervisory function of the Prosecutor's office over the inquiry and preliminary investigation bodies' activities when receiving, registering and resolving reports on crimes. The authors examine three interrelated areas where the role of Prosecutor's supervision in this area is particularly important: the restoration of human and civil rights, the protection of public and state interests; compliance with record-keeping discipline; and the formation of reliable legal statistics. The article presents the data from the study of the crime problem in the Russian society conducted by the All-Russian center of the public opinion study. The article analyzes statistical data on the main performance indicators of the Prosecutor's office of the Russian Federation when supervising the implementation of criminal procedure legislation by preliminary investigation bodies when receiving, registering and resolving reports of crimes in January-December 2019. The authors draw the attention to the extremely low proportion of criminal cases initiated as a result of the cancellation of decisions on refusal to initiate criminal proceedings, and examine the problem of hiding crimes from registration. The Prosecutor's supervision over the activity of inquiry and preliminary investigation bodies when receiving, registering and resolving reports on crimes is

necessary not only for timely protection of the rights of victims, but also for a correct assessment of the prevailing crime situation, which is especially important in the context of modernization in the sphere of legal statistics in which a leading coordinating and organizational role is assigned to the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

KEYWORDS

Human rights, Prosecutor's office, Prosecutor's supervision, refusal to initiate criminal proceedings, record of crimes, concealment of crimes from recording, legal statistics, state automated system of legal statistics.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Saranova Yu. A., Kharmaev Yu. V. To the Problem of Prosecutor's Supervision Over the Inquiry and Preliminary Investigation Bodies' Execution of the Federal Legislation Requirements When Receiving, Registering and Resolving Reports on Crimes [K probleme prokurorskogo nadzora za ispolneniem organami doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya trebovanij federal'nogo zakonodatel'stva pri prieme, registracii i razreshenii soobshchenij o prestupleniyah]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 54 – 62. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.7.

Надзор за соблюдением установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, является важнейшей функцией органов прокуратуры (абз. 4 п. 2 ст. 1, ст. 29 и 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹). Анализ статистических данных и специальной литературы [1,3,6,10,12,14-16] позволяет обозначить три взаимосвязанных сферы, где роль прокурорского надзора особенно важна: а) восстановление прав человека и гражданина, защита общественных и государственных интересов; б) соблюдение учетно-регистрационной дисциплины; в) формирование достоверной правовой статистики. Качество выполнения этих задач также ставит перед органами прокуратуры вопрос об оценке эффективности их деятельности [9].

Соблюдение прав граждан и строгое следование сотрудников правоохранительных органов своим должностным обязанностям при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении является одним из факторов, формирующих состояние уверенности и защищенности жителей нашей страны. Отмечается тенденция к снижению вектора на противопоставление прав личности, общественных и государственных интересов. Напротив, эффективная защита прав и свобод человека является одним из условий укреплени-

ния как общественной², так и национальной безопасности. Национальная безопасность, среди прочего, определяется как состояние защищенности личности, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации. Удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств, относится к основными показателям, необходимых для оценки состояния национальной безопасности³.

Однако реальность пока еще далека от идеалов, обозначенных в государственных документах стратегического характера. Всероссийский центр изучения общественного мнения в 2017 году представил данные исследования проблемы преступности в российском обществе. В ходе опроса выяснилось: половина пострадавших от преступлений не обращались за помощью в правоохранительные органы чаще всего потому, что считали правоохранительные органы неспособными помочь. На вопрос «Обращались ли Вы за последние 5 лет в правоохранительные органы в связи

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // СЗ РФ. – 1995. – № 47, ст. 4472.

² См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14 нояб. 2013 г. №Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс».

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. №683 // СЗ РФ. – 2016. – №1 (ч. II), ст. 212.

с совершенным в отношении Вас преступлением?» опрошенные лица, сообщившие, что в отношении них за предшествующие опросу 12 месяцев совершались преступные деяния, в подавляющем большинстве (83%) ответили, что не обращались, обратились лишь 17%. При этом среди обратившихся в органы пострадавших практически каждый четвертый признался, что сотрудники полиции пытались отговорить его от подачи заявления, почти каждый десятый (9%) отрицательно ответил на вопрос «Приняли ли сотрудники правоохранительных органов Ваше заявление о преступлении?»⁴.

В связи с этим представляется важным обстоятельством тот факт, что защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, равно как и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения обозначены в качестве приоритетного направления деятельности прокуратуры⁵.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации начальникам подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, городов и районов, другим территориальным, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур, исходя из их

компетенции, предписано организовывать, обеспечивать и осуществлять постоянный и действенный надзор за неукоснительным исполнением органами дознания и предварительного следствия требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Своевременное предупреждение, выявление и устранение нарушений законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия, защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений; пресечение незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц, препятствующих доступу пострадавших от преступлений к уголовному судопроизводству, осуществляется мерами прокурорского надзора⁶.

В целях оценки количественных и качественных показателей работы органов прокуратуры в ходе осуществления надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении приведем размещенные на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации статистические данные (табл.)⁷.

Таблица 1

Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации при осуществлении надзора за исполнением органами предварительного расследования уголовно-процессуального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях за январь-декабрь 2019 г.

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	% (+/-)
Всего выявлено нарушений законов	5 159 080	5 139 782	- 0,4
В том числе:			
при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	3 730 794	3 627 932	-2,8
При производстве следствия и дознания	1 428 286	1 511 850	5,9
Направлено требований об устранении нарушений законодательства в порядке п.3 ч.2 ст. 37 УПК РФ	294 731	316 820	7,5
Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	2 225 641	2 035 927	-8,5
Возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	165 646	162 445	-1,9
Поставлено на учет по инициативе прокурора преступлений, ранее известных, но по разным причинам не учтенных	144 144	142 919	-0,8

⁴ Пострадавшие от преступлений в надежде на справедливость. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116081>.

⁵ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 28 дек. 2016 г. №826 // Законность. — 2017. — №3.

⁶ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 5 сент. 2011 г. №277 (ред. от 5 дек. 2016 г.) // Законность. — 2011. — №12.

⁷ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1795898/>

Итак, прокурорами при осуществлении надзора за исполнением органами предварительного расследования уголовно-процессуального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в 2019 году выявлено 3 627 932 нарушения закона, что на 2,8% меньше, чем в 2018 г. При этом в общем числе нарушений законов, выявленных прокурорами на досудебной стадии уголовного судопроизводства (5 159 080 в 2018 г. и 5 139 782 в 2019 г.) доля нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении превышала 70% (72,3% — в 2018 г. и 70,6% — в 2019 г.).

Стоит обратить внимание и на тот факт, что удельный вес уголовных дел, возбужденных по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, составил 7,4% в 2018 году и 8% в 2019 г., то есть более чем в 90% случаев уголовные дела в конечном итоге — несмотря на высокую активность прокурорского реагирования на такие случаи — не возбуждаются.

Данная ситуация широко обсуждается в научной литературе в контексте проблемы повышения эффективности деятельности прокурора по обеспечению законности на стадии возбуждения уголовного дела. При этом авторам большинства публикаций представляется очевидным, что обеспечить своевременное возбуждение уголовного дела в указанных случаях возможно только путем представления прокурору утраченного им права возбуждать уголовные дела в случае отмены незаконных или необоснованных постановлений об отказе в их возбуждении [11, 17, 18].

Право прокурора своим постановлением отменить постановление следователя или органа дознания с одновременным возбуждением уголовного дела в случае установления им неосновательного отказа в возбуждении дела предусматривалось ч. 3 ст. 116 УПК РСФСР 1960 г. Часть 6 ст. 148 УПК РФ в первоначальной редакции содержала аналогичную норму, при этом прокурор в случае отмены незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела обладал полномочием либо принять решение о возбуждении уголовного дела либо возвратить материалы дела для дополнительной проверки.

Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела является самым распространенным способом укрытия преступлений от учета. Это социально-правовое явление, с которым постоянно сталкиваются прокуроры в

ходе осуществления надзора за соблюдением учетно-регистрационной дисциплины⁸ [14].

При этом в действующем законодательстве России нет определения понятия «укрытие преступлений от учета». Ряд авторов [2, 14] указывают, что единственным нормативным правовым актом, в котором содержится упоминание об этом, является Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденное совместным Приказом о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г.⁹ Согласно п. 2.9 Положения преступление является укрытым от учета, если сведения о нем не отражены в учетных документах либо не включены в государственную статистическую отчетность. Преступление также считается укрытым от учета, если по факту его совершения не принято одно из следующих процессуальных решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Кроме того, преступление будет относиться к этой категории, если по факту его совершения вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое впоследствии было отменено прокурором с одновременным возбуждением уголовного дела, а производство по этому уголовному делу в течение отчетного года окончено и по нему принято одно из следующих решений: 1) дело направлено в суд; 2) расследование приостановлено по п. п. 1, 2, 3, 4 ч. 1 ст. 208 УПК; 3) прекращено по нереабилитирующим основаниям.

В.А. Азаров и В.В. Константинов полагают, что данное определение «устарело и не соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству, в связи с чем возникла необходимость в новом определении» [2, с. 17]. Д.И. Прушинский и Б.А. Тугутов также указывают, что определение, данное в Положении, лишь отчасти отражает содержание рассматриваемой категории: «В нем не говорится, кто является субъектом укрытия преступлений, каков процессуальный механизм их укрытия, а также не определяется содержание самой деятельности по укрытию преступлений от учета» [14].

⁸ Далее — УРД.

⁹ О едином учете преступлений: Приказ Генпрокуратуры России №39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29 дек. 2005 г. (ред. от 15 окт. 2019 г.). // Российская газета. — 2006. — 25 янв. (Далее — Положение).

Кроме того, В.А. Азаров и В.В. Константинов подмечают, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит и понятия «регистрация заявлений и сообщений о преступлениях», что немаловажно, ведь в данном случае уместно говорить не об укрытии преступления от учета, а об укрытии от регистрации сообщений и заявлений о преступлениях. Вместе с тем на практике понятие «укрытие преступления» трактуется широко: в него включается укрытие сообщений и заявлений о преступлениях, а также самих преступлений.

В научных исследованиях предлагается:

– в целях единообразного понимания правоприменительными органами категории «укрытое преступление» ввести его четкое определение и способы укрытия в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также в Приказ о едином учете преступлений [14];

– считать, что укрытие преступлений возможно и в случаях отсутствия предусмотренного уголовно-процессуальным законом сообщения о преступлении, т. е. при наличии любой осведомленности о нем у сотрудников полиции [2, с. 15];

– дополнить Закон о прокуратуре нормами, предусматривающими полномочия прокурора в сфере борьбы с укрытием преступлений от учета, а также порядок их реализации [14];

– в целях повышения качества и единообразия прокурорского надзора в сфере выявления преступлений, укрытых от учета, и усиления УРД в целом разработать самостоятельную методику осуществления надзорных мероприятий, утвердив ее отдельным приказом Генерального прокурора РФ [14];

– в теории уголовного процесса должны быть разработаны научно обоснованные рекомендации по предупреждению, выявлению и устранению рассматриваемых нарушений [2, с. 17].

Также предлагается дополнить Уголовный кодекс РФ нормой, предусматривающей уголовную ответственность должностных лиц органов дознания и следствия за укрытие преступлений от регистрационного учета. Это деяние, к примеру, криминализовано в уголовных законах Узбекистана и Казахстана [подробнее см.: 4, с. 225 – 249].

Прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении необходим не только для своевременной защиты прав потерпевших, но и для правильной оценки складывающейся криминогенной обстановки

(как в отдельно взятой местности, так и в масштабах страны в целом), а также для принятия соответствующих организационных и оперативно-тактических решений в сфере борьбы с преступностью [2, с. 16]. Это звучит особенно актуально в контексте модернизации сферы правовой статистики [подробнее см.: 5, 7, 8, 13].

В этой связи стоит отметить значимость изменений, внесенных в ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. №487. В соответствии с данными поправками, Генеральная прокуратура Российской Федерации наделяется полномочиями осуществлять государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре, проводить федеральное статистическое наблюдение на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами.

С 1 января 2022 г. официальная статистическая информация, полученная в ходе осуществления государственного единого статистического учета, должна размещаться Генеральной прокуратурой Российской Федерации на официальном сайте Российской Федерации, определенном Правительством Российской Федерации, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных с учетом ограничений, установленных федеральными законами.

Перечень размещаемой в интернете официальной статистической информации будет утверждаться Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с федеральными государственными органами и федеральными органами исполнительной власти, обладающими соответствующими первичными статистическими данными.

Для реализации полномочий в указанной сфере по заказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации создано специальное программное обеспечение государственной автоматизированной системы правовой статистики. Центральным элементом данной системы является хранилище всех документов первичного учета в электронном виде. На основе имеющихся данных сформирован единый реестр уголовных дел, обеспечивается возможность объективной оценки хода и результатов их расследования. Главной целью создания системы является обеспечение прозрачности, достоверности и полноты учетных сведений о преступлениях и возможности проследить всю цепочку событий, начиная от

сообщения о совершенном преступлении до исполнения судебного решения, исполнения уголовного наказания и снятия судимости.

В целях совершенствования этой работы в настоящее время активно проводится опытная эксплуатация модернизированного специального программного обеспечения государственной автоматизированной системы правовой статистики в пилотной зоне, в ко-

торую вошли несколько десятков прокуратур субъектов Федерации и приравненных к ним иных специализированных прокуратур¹⁰.

Таким образом, эффективный прокурорский надзор на досудебной стадии уголовного судопроизводства способствует формированию объективных статистических данных, приближая их к адекватному отражению реальной ситуации с преступностью в нашей стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агутин А.В., Куликова Г.Л. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях: Учебное пособие. М., 2016.
2. Азаров В.А., Константинов В.В. Понятие укрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета // Научный вестник Омской Академии МВД России. — 2013. — №4. — С. 15-20.
3. Анисимов Г.Г. Надзор за исполнением законов при приеме, регистрации, разрешении сообщений о преступлениях и рассмотрении обращений и жалоб в органах ФСБ // Законность. — 2017. — №7. — С. 17-20.
4. Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом: Монография / Отв. ред. И.С. Власов, С.П. Кубанцев. — М., 2018. — 318 с.
5. Багаутдинов Ф.Н., Гаврилов М.А. Надзор за исполнением законов в сфере правовой статистики // Законность. — 2020. — №1. — С. 37-40.
6. Бажанов С.В. Правовой режим стадии возбуждения уголовного дела и его влияние на эффективность прокурорского надзора // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — №4. — С. 71-73.
7. Бударин И.С. Государственная автоматизированная система правовой статистики в информационном пространстве // Вестник науки и образования. — 2019. - № 19. — Часть 1. — С. 78-82.
8. Дубошеев П.П. Отдельные вопросы введения государственной автоматизированной системы правовой статистики // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2019. — Т. 16, № 2. — С. 122-125.
9. Камчатов К.В., Тимошенко А.А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. — 2017. — №11. — С. 29-33.
10. Кожевников О.А. Полномочия прокурора в надзоре за законностью оперативно — розыскной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — №3. — С. 58-63.
11. Колomeец Е.В. Обеспечение законности решений об отказе в возбуждении уголовного дела средствами прокурорского реагирования // Вестник Омской юридической академии. — 2018. — №3. — С. 314-318.
12. Мартыненко А.В. Прокурорский надзор за исполнением федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях // Следственная практика: Научно-практический сборник. — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. Вып. 188. — 146 с.
13. Потапов Д.В. О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 1. — С. 85-89.
14. Прушинский Д.И., Тугутов Б.А. Роль прокуратуры в борьбе с укрытием преступлений // Законность. — 2019. — №5. — С. 17-21.
15. Рязанцев В.А. Некоторые проблемы передачи уголовных дел и материалов от органа дознания в орган предварительного следствия // Российский следователь. — 2017. — №9. — С. 17-19.
16. Чубыкин А.В. К вопросу о законодательном регулировании полномочий прокурора в уголовном процессе // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2013. — № 3. — С. 70-73.
17. Шадрин В.С. Надзор военного прокурора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Право в Вооруженных Силах. — 2015. — №7. — С. 93-98.

¹⁰ О вводе в опытную эксплуатацию модернизированного специального программного обеспечения государственной автоматизированной системы правовой статистики, внесении изменений в приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18.01.2016 №18 «О проведении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики» и признании утратившими силу некоторых организационно-распорядительных документов: Приказ Генпрокуратуры РФ от 8 июня 2018 г. №351. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553941989>.

18. Щерба С.П., Ережипалиев Д.И. Прокурор в досудебном производстве по уголовным делам: функции, правовой статус, полномочия: Моногр. / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 168 с.

REFERENCES

1. Agutin A.V., Kulikova G.L. Organization of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Laws when Receiving, Registering and Resolving Reports of Crimes [*Organizaciya prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri prieme, registracii i razreshenii soobshchenij o prestupleniyah*]. Moscow, 2016. (In Russ.).

2. Azarov V.A., Konstantinov V.V. The Notion of Law Enforcement Officer's Failure to Record Crime [Ponyatie ukrytiya sotrudnikami organov vnutrennih del prestuplenij ot ucheta]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2013. Issue 4. Pp. 15-20. (In Russ.).

3. Anisimov G.G. Supervision over Implementation of Laws in the Course of Reception, Registration and Processing of Crime Reports and Consideration of Requests and Claims in the Bodies of the Federal Security Service [Nadzor za ispolneniem zakonov pri prieme, registracii, razreshenii soobshchenij o prestupleniyah i rassmotrenii obrashchenij i zhalob v organah FSB]. *Zakonnost' – Zakonnost Journal*. 2017. Issue 7. Pp. 17-20. (In Russ.).

4. Fighting Corruption in Law Enforcement Agencies Abroad; ed. by I.S. Vlasov, S.P. Kubantsev [*Bor'ba s korrupciej v pravoohranitel'nyh organah za rubezhom*]. Moscow, 2018. 318 p. (In Russ.).

5. Bagautdinov F.N., Gavrilov M.A. Supervision over Implementation of Laws in the Sphere of Legal Statistics [Nadzor za ispolneniem zakonov v sfere pravovoj statistiki]. *Zakonnost' – Zakonnost Journal*. 2020. Issue 1. Pp. 37-40. (In Russ.).

6. Bazhanov S.V. The Legal Regime of a Stage of Excitation of Criminal Case and its Impact on the Effectiveness of Prosecutorial Supervision [Pravovoj rezhim stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela i ego vliyanie na effektivnost' prokurorskogo nadzora]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Russian Laws: Experience, Analysis, Practice*. 2017. Issue 4. Pp. 71-73. (In Russ.).

7. Budarin I.S. State Automated Legal Statistics System in the Information Space [Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema pravovoj statistiki v informacionnom prostranstve]. *Vestnik nauki i obrazovaniya – Science and Education Bulletin*. 2019. Issue 19-1. Pp. 78-82. (In Russ.).

8. Dubosheev P.P. Selected Questions of the Introduction of the State Automated Legal Statistics System [Otdel'nye voprosy vvedeniya gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy pravovoj statistiki]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo – Omsk University Bulletin. Series Law*. 2019. Vol. 16. Issue 2. Pp. 122-125. (In Russ.). DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(2).122-125

9. Kamchatov K.V., Timoshenko A.A. The Activities of the Prosecutor in Criminal Proceedings: Assessment of Effectiveness [Deyatel'nost' prokurora v ugovolnom sudoproizvodstve: ocenka effektivnosti]. *Rossijskaya yusticiya – Russian Justitia*. 2017. Issue 11. Pp. 29-33. (In Russ.).

10. Kozhevnikov O.A. Powers of the Prosecutor in Supervision of Legality of Operational and Search Activity [Polnomochiya prokurora v nadzore za zakonost'yu operativno – rozysknoj deyatel'nosti]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018. Issue 3. Pp. 58-63. (In Russ.).

11. Kolomeets E.V. Ensuring the Legality of Decisions on the Refusal to Initiate Criminal Case by the Means of Prosecutorial Response [Obespechenie zakonnosti reshenij ob otkaze v vozbuzhdenii ugovolnogo dela sredstvami prokurorskogo reagirovaniya]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*. 2018. Issue 3. Pp. 314-318. (In Russ.). DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-3-314-318.

12. Martynenko A.V. Prosecutor's Supervision over the Execution of Federal Law in the Acceptance, Registration and Resolution of Reports of Crimes [Prokurorskij nadzor za ispolneniem federal'nogo zakona pri prieme, registracii i razreshenii soobshchenij o prestupleniyah]. *Sledstvennaya praktika* (Investigative practice). Moscow, 2012. 146 p. (In Russ.).

13. Potapov D.V. About Creation of a Digital Platform for Interaction during the Pre-Trial Proceedings of a Supervising Prosecutor and a Preliminary Investigation Body [O sozdanii cifrovoj platformy vzaimodejstviya v hode dosudebnogo proizvodstva nadzirayushchego prokurora i organa predvaritel'nogo rassledovaniya]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2018. Issue 1. Pp. 85-89. (In Russ.).

14. Prushinsky D.I., Tugutov B.A. The Role of the Public Prosecution Service in the Fight Against Crime Concealment [Rol' prokuratury v bor'be s ukrytiem prestuplenij]. *Zakonnost' – Zakonnost Journal*. 2019. Issue 5. Pp. 17-21. (In Russ.).

15. Ryazantsev V.A. Separate Issues of Criminal Case and Material Transfer from an Investigation Authority to a Pretrial Investigation Authority [Nekotorye problemy peredachi ugovolnyh del i materialov ot organa dozvaniya v organ predvaritel'nogo sledstviya]. *Rossijskij sledovatel' – Russian Investigator*. 2017. Issue 9. Pp. 17-19. (In Russ.).

16. Chubykin A.V. To the Issue of Legislative Regulation of Public Prosecutor's Jurisdiction in a Criminal Process [K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii polnomochij prokurora v ugolovnom processe]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal*. 2013. Issue 3. Pp. 70-73. (In Russ.).

17. Shadrin V.S. Supervision by a Military Prosecutor over the Legality of Refusal to Initiate a Criminal Case [Nadzor voennogo prokurora za zakonnost'yu otказа v возбуждении уголовного дела]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Law in the Armed Forces*. 2015. Issue 7. Pp. 93-98. (In Russ.).

18. Shcherba S.P., Erezhipaliev D.I. Prosecutor in Pre-Trial Criminal Proceedings: Functions, Legal Status, Powers [*Prokuror v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam: funkcii, pravovoj status, polnomochiya*]. Moscow, 2015. 168 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Саранова Юлия Александровна (Улан-Удэ) – младший советник юстиции (в отставке), ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6, e-mail: Yulia1704@bk.ru).

Хармаев Юрий Владимирович (Улан-Удэ) – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6, e-mail: kharmaev@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Saranova, Yulia A. (Ulan-Ude) – Junior Counsellor of Justice (retired), Assistant, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Dorji Banzarov Buryat State University. (Sukha Bator str., 6, Ulan-Ude, 670000, e-mail: yulia1704@bk.ru).

Kharmaev, Yuri V. (Ulan-Ude) – PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Dorji Banzarov Buryat State University. (Sukha Bator str., 6, Ulan-Ude, 670000, e-mail: kharmaev@mail.ru).

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.53
ББК 67.400.621

Е.О. Мадаев,
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4900-6270
ResearcherID: AAZ-8016-2020

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ТЕРМИНА «СЕНАТОР» В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2020 — № 3. — С. 63 — 71.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.8.
Дата поступления: 4 сентября 2020 г.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в части введения термина «сенатор Российской Федерации». В исследовании проведен теоретико-правовой анализ введения данного термина в конституционную систему Российской Федерации на предмет его целесообразности. Отмечается, что изменения, касающиеся введения термина «сенатор Российской Федерации» вместо «член Совета Федерации», внесенные в четвертую, пятую и седьмую главы Конституции Российской Федерации, создали коллизию при толковании норм девятой главы Конституции Российской Федерации, в которой по-прежнему остается название «член Совета Федерации». Автор заключает, что введение термина «сенатор Российской Федерации» в текст Конституции России не способствует единообразному пониманию и применению конституционных норм и это существенным образом скажется на обеспечении законности и стабильного правопорядка в различных сферах общественной жизни. Указывается, что наряду с введением термина «сенатор Российской Федерации» в текст Конституции России целесообразно было внести наименование «Сенат». Кроме того, во избежание коллизии при толковании ст. 134 и ч.2 ст.135 Конституции Российской Федерации в части первой ст. 95 следовало бы указать: «наименование Сенат и Совет Федерации равнозначны», а часть вторую ст. 95 изложить в следующей редакции: «наименование сенатор Российской Федерации и член Совета Федерации равнозначны».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конституция Российской Федерации; поправки в Конституцию Российской Федерации; Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ; правовая коллизия; Совет Федерации; член Совета Федерации; Сенат; сенатор Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Мадаев Е.О. Теоретико-правовые проблемы введения термина «сенатор» в Конституцию Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 3. — С. 63 — 71. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.8.

E.O. Madaev,

Dorji Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4900-6270

ResearcherID: AAZ-8016-2020

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF INTRODUCING THE TERM «SENATOR» TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2020. — № 3. — Pp. 63 – 71.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.8.

Submission date: September 4, 2020.

ABSTRACT

The article analyzes the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 №1-FCL «On improving the regulation of certain issues of public power organization and functioning» in terms of introducing the term «Senator of the Russian Federation». The study provides a theoretical and legal analysis of this term introduction in the constitutional system of the Russian Federation for its feasibility. The changes relating to the introduction of the term «Senator of the Russian Federation» instead of «Member of the Federation Council», submitted to the fourth, fifth and seventh chapters of the Constitution of the Russian Federation, created a conflict in the interpretation of the norms of the ninth chapter of the Constitution of the Russian Federation, which remains the name of the «Member of the Federation Council». The author concludes that the introduction of the term «Senator of the Russian Federation» in the text of the Russian Constitution does not contribute to a uniform understanding and application of constitutional norms and this will significantly affect the provision of law and order in various spheres of public life. The author also points out that along with the introduction of the term «Senator of the Russian Federation» in the text of the Constitution of Russia, it was advisable to add the term «Senate». In addition, in order to avoid a conflict in the interpretation of article 134 and part 2 of article 135 of the Constitution of the Russian Federation, the first part of article 95 it should be indicated that the terms «Senate» and the «Federation Council» are equivalent, and the second part of article 95 should be presented as follows: «the terms Senator of the Russian Federation and Member of the Federation Council are equivalent».

KEYWORDS

Constitution of the Russian Federation; amendments to the Constitution of the Russian Federation; Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FCL; legal conflict; Council of Federation; member of the Council of Federation; Senate; Senator of the Russian Federation.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Madaev, E.O. Theoretical and Legal Problems of Introducing the Term «Senator» to the Constitution of the Russian Federation [Teoretiko-pravovye problemy vvedeniya termina «senator» v Konstituciyu Rossijskoj Federacii]. *Prologue: Law Journal*. 2020. Issue 3. Pp. 63 – 71. (In Russ.). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.8.

Особенности конституционно-правового статуса членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации находятся в сфере пристального внимания теоретиков российской правовой науки [2, 3, 5, 8, 10, 14-16, 18, 22, 23, 25, 27, 30-32]. Специалисты в сфере конституционного права также держат руку на пульсе изменений в правовом регулировании деятельности Совета Федерации, включая поправки, вносимые в Конституцию России [1, 7, 12, 13, 19, 21, 26, 29, 31].

Актуальность исследования правового статуса членов Совета Федерации обусловлена потребностями реформирования и совершенствования конституционной системы Российской Федерации, необходимостью поиска новых подходов к исследованию традиционных юридических категорий и практическому использованию соответствующих им явлений в политико-правовой практике.

Сказанное в полной мере относится и к проблематике введения термина «сенатор Российской Федерации». В зарубежных странах сенатор традиционно ассоциируется с членом Сената. Сенат — название верхней палаты Парламентов многих стран мира (Бельгии, Ирландии, Италии, Франции, США, Канады, Мексики, Бразилии, Ирана, Малайзии, Турции, Лесото, Либерии и др.) [20].

Следует отметить, что и в истории российского государства опыт функционирования органа под названием «Сенат» насчитывает более 200 лет [11, с.80].

В словарях понятие «сенатор» определяется как «сенатор-член сената» [28].

Категория «сенатор» прочно вошла как в научный обиход, так и в политико-правовую официальную терминологию. В частности, в научных текстах, в официальных документах и в средствах массовой информации встречаются такие словосочетания, как «сенатор Совета Федерации», «сенатор Российской Федерации», «сенатор от региона» и т.д.

Подобная поливариантность употребления термина «сенатор» свидетельствует о сложности и большой степени вариативности явления, которое этот термин обозначает. Известно, что искусственные «мертвоорожденные» термины, синонимические тождества спустя какое-то время после начала эксплуатации отторгаются наукой и практикой, игнорируются законодателем и правоприменителем. Соответственно повторяемость и стабильная востребованность свидетельствуют о том, что термин обознача-

ет действительно самостоятельное явление, отражает важную для практики категорию.

Признание конвенциональности любой терминологии не отрицает того факта, что понятие, будучи мыслительным образом сущности явления, отражает его основные составляющие, а не формулируется произвольно [6, с.122]. Отмечается, что зачастую имеют значение не понятия сами по себе, а то, как они трактуются представителями тех или иных социально-политических сил в каждую данную историческую эпоху [9, с.20]. Что касается юридических понятий, то определяющее значение здесь имеет их понимание авторитетными юристами — учеными и практиками, — поддерживаемое на данный момент большинством корпорации юристов. Если по поводу того или иного понятия мнения авторитетных правоведов, представителей юридических научных школ расходятся, это понятие попадает в разряд дискуссионных, а обозначаемое им явление представляет собой поле для активных научных изысканий, экспериментов и открытий. Следствием таких процессов является многоаспектность, множественность точек зрения, разноплановость подходов к определению понятия сенатор, его назначения, к его сущностным характеристикам и к месту, занимаемому сенатором в системе государства.

Как известно, Конституция Российской Федерации¹ была изменена в результате внесения поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Напомним, что до принятия поправок в Конституцию Российской Федерации положения о Совете Федерации в статье 95 Конституции звучали следующим образом:

«2. В Совет Федерации входят: по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации — по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти; представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации — представителей от законодательных (представительных) и исполнительных орга-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

нов государственной власти субъектов Российской Федерации.

3. Член Совета Федерации — представитель от законодательного (представительного) или исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации наделяется полномочиями на срок полномочий соответствующего органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

4. Президент Российской Федерации не может освободить назначенного до его вступления в должность члена Совета Федерации — представителя Российской Федерации в течение первого срока своих полномочий, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом».

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1 — ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² статья 95 в части определения правового статуса сенаторов существенно образом расширена:

«2. Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации.

В Совет Федерации входят:

а) по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти — на срок полномочий соответствующего органа;

б) Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, — пожизненно. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, вправе отказаться от полномочий сенатора Российской Федерации;

в) не более 30 представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом Российской Федерации, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно.

3. Общее число сенаторов Российской Федерации определяется исходя из числа представителей от субъектов Российской

Федерации, перечисленных в статье 65 Конституции Российской Федерации, и числа лиц, осуществляющих полномочия сенаторов Российской Федерации, указанных в пунктах «б» и «в» части 2 настоящей статьи.

4. Сенатором Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Сенаторам Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

5. Представителями Российской Федерации в Совете Федерации, осуществляющими полномочия сенаторов Российской Федерации пожизненно, могут быть назначены граждане, имеющие выдающиеся заслуги перед страной в сфере государственной и общественной деятельности.

6. Представители Российской Федерации в Совете Федерации, за исключением представителей Российской Федерации, осуществляющих полномочия сенаторов Российской Федерации пожизненно, назначаются сроком на шесть лет».

Итак, как следует из части 2 ст. 59 Конституции РФ в новой редакции, «Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации».

Полагаем, что такой подход не соответствует потребностям сегодняшнего дня, поскольку современный гносеологический инструментарий прикладной юриспруденции требует более глубокого проникновения в суть явления, то есть исследования категории «сенатор» не только в формально-юридическом, но и в генетическом и философско-правовом значениях.

В связи с этим возникают следующие вопросы:

1. Насколько корректно звучит эта норма? Если в Законе о поправках происходит изменение названия «член Совета Федерации» на название «сенатор», логично и наименования верхней палаты Федерального Собрания, помянуть на «Сенат».

2. В Законе о поправках предложено внести изменения названия «член Совета Федерации» на «сенатор Российской Федерации» в

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ // Российская газета. — 2020. — 16 марта. (Далее — Закон о поправках).

ч.2 ст.82, ч.2 ст.93, ч.2,3,4,5,6 ст.95, ч.2 ст.97, ч.1 ст.98, ч.3 ст.102, ч.1 ст.104, ч.3 ст.107, ч.2 ст.108, ч.2 ст.125 Конституции Российской Федерации, однако, в ст. 134, ч.2 ст. 135 Конституции Российской Федерации — по-прежнему звучит «член Совета Федерации», в чем наблюдается явное противоречие. Оно и понятно, так как эти статьи относятся к 9 главе Конституции Российской Федерации, порядок внесения в которую — наряду с первой и второй главами — крайне затруднителен. В Законе о поправках сложно понять логику законодворца и в части 4 ст. 105 Конституции Российской Федерации, где упоминаются «члены Совета Федерации», хотя данная статья относится к главе пятой, в которую все же удалось внести изменения.

3. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. №3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³ последний раз подвергался изменениям в апреле 2020 года⁴, работа над изменениями проводилась как раз накануне предполагаемого всероссийского голосования 22 апреля 2020 г., которое было перенесено по причине сложной эпидемиологической ситуации. Тем не менее, уже владея информацией о том, как именно будет изменена ст. 59 Конституции РФ, ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации не озаботились приведением терминологии в наименовании члена Совета Федерации к соответствию с Конституцией России.

Подобное состояние вряд ли способствует единообразному пониманию и применению конституционных норм, что, конечно же, существенным образом скажется на обеспечении законности и стабильного правопорядка в различных сферах общественной жизни.

Хотя термин «сенатор» уже с 1994 г. прочно вошел в обиход в русскоязычной аудитории и ассоциируется с членом Совета Федерации, это понятие заимствовано из зарубежной практики (лат. *senator*) — член сената [4].

В доктрине международного права существуют различные способы включения норм междуна — родного права в систему

внутригосударственного права — «рецепция», «инкорпорация», «трансформация», «отсылка» и т.д.

Стоит признать, что Закон о поправках посредством рецепции понятия «сенатор» в конституционно-правовой массив Российской Федерации поставил множество вопросов. Практическое правоприменение нуждается в разрешении возникших противоречий.

Очевидно, что пути трансформации общественно-государственных систем будут искать в разных направлениях, и одно из этих направлений связано с расширением участия науки, научных институтов, научной мысли в управлении обществом и государством. Нестабильность правопорядка, отсутствие полноценного режима законности, ослабление действительности формально признанных форм права приводит к активизации других регуляторов, в том числе и доктринальных источников права. Расширение участия роли доктрины в правовой системе — один из реальных путей, по которому может пойти развитие правовой системы Российской Федерации, если эти пути правильно определить [17, с.210].

Правовые реформы, проводимые в настоящее время в Российской Федерации, зачастую носят прерывистый, конфликтный характер. Доктрина способна придать им такие качества, как последовательность и стабильность. Осознанные шаги, а не сиюминутная реакция властных структур на злобу дня способны привести к устойчивым результатам. Связано это с такой особенностью, как длительность становления доктрины. Правовые идеи, в истинности которых убеждено политически активное большинство, нашедшие отражение в нормативных актах, приводят к формированию конституционных постулатов долговременного действия. Доктринальные положения меняются гораздо реже, нежели законы, принятые под их влиянием. Благодаря этому сохраняется общий вектор правовой политики государства [17, с.142].

Активизация роли науки в формировании правотворческой политики и непосредственно в законодотворчестве — необходимая предпосылка повышения качества принимаемых законов и эффективности, содержащихся в них норм [5, с.141].

Представляется логичным часть 1 ст. 95 («Федеральное Собрание состоит из двух палат — Совета Федерации и Государственной Думы»), изложить в следующей редакции: «Федеральное Собрание состоит из двух палат — Сената и Государственной Думы», ч.2

³ О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 8 мая 1994 г. №3-ФЗ // Российская газета. — 1999. — 8 июля.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 апр. 2020 г. №148-ФЗ // Российская газета. — 2020. — 29 апр.

ст. 95 Конституции Российской Федерации («Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации»), изложить в следующей редакции: «Сенат состоит из сенаторов Российской Федерации».

Во избежание коллизии при толковании ст. 134 и ч.2 ст.135 Конституции Российской

Федерации в части первой ст. 95 следовало бы указать: «наименование Сенат и Совет Федерации равнозначны», а часть вторую ст. 95 изложить в следующей редакции: «наименование сенатор Российской Федерации и член Совета Федерации равнозначны».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — №1. — С. 31–44.
2. Акчурун А.Р. Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: опыт и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. — №8. — С. 41–45.
3. Алехин А.Е., Ромакин И.А. Об объединительной природе Совета Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — №1. — С. 24–28.
4. Большой юридический словарь / авт.—сост. А.Б. Борисов. — 2-е изд., переаб. и доп. — М.: Книжный мир, 2012. — 848 с.
5. Булаков О.Н. О представительной функции Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — №9. — С. 81–86.
6. Варламова Н. Конституционная модернизация: игра в термины, игра в реформу или игра с огнем? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 2. — С. 122–125.
7. Винокуров В.А. Совет Федерации: изменения в формировании // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — №12. — С.42-46.
8. Воробьев Н.И., Воробьева Л.В., Голушков Д.И., Кравцова Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 8 мая 1994 г. №3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. — 2018.
9. Гаджиев К.С. Политическая философия. — М.: Экономика, 1999. — 605 с.
10. Дробот С.Е. Порядок формирования Совета Федерации в контексте принципа разделения властей и системы «сдержек и противовесов»: историческая ретроспектива и пути совершенствования // Юридическая наука и практика. — 2016. — Т. 12. — №4. — С. 12–19.
11. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1968. — 368 с.
12. Заикин С.С. Незаметная конституционная поправка, или Зачем нужны представители Федерации в Совете Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — №6. — С. 21–47.
13. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Совет Федерации: модернизация или консервация (размышления) // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — №3. — С. 32–35.
14. Казакова А.А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: конституционно-правовые основы формирования и деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. — 235 с.
15. Королев А.Н., Плешакова О.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный). — М.: Юстицинформ, 2008. — 224 с.
16. Кучеренко П.А., Кацарский М.И., Клочко Е.И. Представительная природа верхней палаты Федерального Собрания как определяющий фактор законодательных требований, предъявляемых к кандидатам на должность члена Совета Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. — №3. — С. 19–25.
17. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. — 254 с.
18. Миерхольд А.А. Внутренняя структура Совета Федерации и ее конституционно-правовое регулирование // Lex russica. — 2017. — №1. — С. 221–228.
19. Миерхольд А.А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Lex russica. — 2018. — №11. — С. 134–144.
20. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2013. — 520 с.
21. Певцова Н.С. О новых подходах к процессу формирования высших органов законодательной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. — 2018. — №8. — С. 32–36.
22. Петрова Н.А. К вопросу об изменении порядка формирования Совета Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — №9. — С. 18–26.
23. Сайфутдинова В.М. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: спец-

ифика и перспективы // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — №8. — С. 34 - 42.

24. Семеновский И.Д. О некоторых особенностях государственно-территориального устройства современных федеративных государств // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — №2. — С. 38 — 41.

25. Смоленская А.А. Сравнительный анализ статуса депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — №6. — С. 47 — 51.

26. Смоленская А.А. Формирование Совета Федерации: эволюция и современное состояние // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — №10. — С. 34 — 38.

27. Совет Федерации : Эволюция статуса и функций : Монография / Автономов А.С., Байдин В.И., Байдина О.В. и др.; отв. ред., авт. введ. Л.В. Смирнягин; Ин-т права и публ. политики. — М.: Ин-т права и публ. политики, 2003. — 453 с.

28. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2012. — 752 с.

29. Трубилов Г.В. Проект реформы российского парламентаризма: порядок формирования и основные полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — №8. — С. 14 — 18.

30. Филиппова Н.А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: стратегия реформы и ее правовое обеспечение / Н.А. Филиппова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2012. — Вып. 12. — С. 420 — 435.

31. Филиппова Н.А. Совет Федерации: стратегия реформы в контексте правовой интеграции Российского государства // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — №6. — С. 43 — 46.

32. Червинская А.П. К вопросу о соотношении понятий «парламентаризм» и «народное представительство» // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — №6. — С. 50 — 56.

REFERENCES

1. Avakyan S.A. Drafts of Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation: is Round Four Coming? [Proekty zakonov o popravkakh k Konstitucii Rossijskoj Federacii: gryadet raund chetvertyj?]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo — Constitutional and Municipal Law*. 2020. Issue 1. Pp. 31-44. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3767-2020-1-31-44.

2. Akchurin A.R. Procedure of Formation of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation: Experience and Perspectives [Poryadok formirovaniya Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: opyt i perspektivy]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie — State Power and Local Self-government*. 2014. Issue 8. Pp. 41-45. (In Russ.).

3. Alekhin A.E. Romaikin I.A. On the Uniting Nature of the Federation Council [Ob obiedinitel'noj prirode Soveta Federacii]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie — State Power and Local Self-government*. 2014. Issue 1. Pp. 24-28. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2020-1-24-28

4. Borisov A.B. Large Legal Dictionary [*Bol'shoj yuridicheskij slovar'*]. 2nd edition. Moscow, 2012. 848 p. (In Russ.).

5. Bulakov O.N. A Representative Function of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia [O predstavitel'noj funkcii Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya RF]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual Problems of Russian Law*. 2017. Issue 9. Pp. 81-86. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.081-086.

6. Varlamova N. Constitutional Modernization: a Game of Terms, a Game of Reform or a Game with Fire? [Konstitucionnaya modernizaciya: igra v terminy, igra v reformu ili igra s ognem?]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie — Comparative Constitutional Review*. 2000. Issue 2. Pp. 122-125. (In Russ.).

7. Vinokurov V.A. Council of the Federation: Changes in Formation [Sovet Federacii: izmeneniya v formirovanii]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo — Constitutional and Municipal Law*. 2014. Issue 12. Pp. 42-46. (In Russ.).

8. Vorob'ev N.I., Vorob'eva L.V., Golushkov D.I., Kravcova E.A. Commentary on the Federal Law of May 8, 1994 No. 3-FZ «On the Status of a Member of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (itemized) [*Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 8 maya 1994 g. №3-FZ «O statute chlena Soveta Federacii i statute deputata Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» (postatejnyj)*]. Available at: Legal reference system Consultant Plus, 2018. (In Russ.).

9. Gadzhiev K.S. Political Philosophy [*Politicheskaya filosofiya*]. Moscow, 1999. 605 p. (In Russ.).

10. Drobot S.E. Council of the Federation Formation in Context of Powers Separation and “Check and Balances” System: Historical Retrospective and Improving Ways [Poryadok formirovaniya Soveta Federacii v kontekste principa razdeleniya vlastej i sistemy «sderzhek i protivovesov»: istoricheskaya retrospektiva i puti sovershenstvovaniya]. *Yuridicheskaya nauka i praktika — Legal Science and Practice*. 2016. Vol. 12. Issue 4. Pp. 12-19. (In Russ.).

11. Eroshkin N.P. History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia [*Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii*]. Moscow, 1968. 368 p. (In Russ.).

12. Zaikin S. Landscapes of Democracy an Inconspicuous Constitutional Amendment or What the Representatives of Federation in the Council of the Federation of Russia Are for [Nezametnaya konstitucionnaya

поправка, ili Zachem nuzhny predstaviteli Federacii v Sovete Federacii]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2016. Issue 6. Pp. 21-47. (In Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-21-47.

13. Kabyshev V.T., Zametina T.V. Federation Council: Modernization or Conservation (Reflections) [Sovet Federacii: modernizaciya ili konservaciya (razmyshleniya)]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2012. Issue 3. Pp. 32-35. (In Russ.).

14. Kazakova A.A. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Constitutional and Legal Foundations of Formation and Activities: candidate of juridical science dissertation [Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovye osnovy formirovaniya i deyatel'nosti: dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk]. Moscow, 2008. 235 p. (In Russ.).

15. Korolev A.N., Pleshakova O.V. Commentary on the Federal Law «On the Status of a Member of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (itemized) [Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O statuse chlena Soveta Federacii i statuse deputata Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» (postatejnyj)]. Moscow, 2008. (In Russ.).

16. Kucherenko P.A., Katsarskiy M.I., Klochko E.I. The Representative Nature of the Upper Chamber of the Federal Assembly as a Determining Factor of Legal Requirements Set for Candidates for a Position of a Member of the Federation Council [Predstavitel'naya priroda verhnjej palaty Federal'nogo Sobraniya kak opredelyayushchij faktor zakonodatel'nyh trebovanij, pred'yavlyaemyh k kandidatam na dolzhnost' chlena Soveta Federacii]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-government*. 2019. Issue 3. Pp. 19-25. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2019-3-19-25

17. Madaev E.O. Doctrine in the Legal System of the Russian Federation: candidate of juridical science dissertation [Doktrina v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk]. Irkutsk, 2012. 254 p. (In Russ.).

18. Mierkhoid A.A. The Internal Structure of the Council of the Federation and its Constitutional and Legal Regulation [Vnutrennyaya struktura Soveta Federacii i ee konstitucionno-pravovoe regulirovanie]. *Lex Russica*. 2017. Issue 1. Pp. 221-228. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.122.1.221-228.

19. Mierkhoid A.A. Constitutional Evolution of the Formation Order and Authorities of the Federation Council of the Federal Assembly [Konstitucionnaya evolyuciya poryadka formirovaniya i polnomochij Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya RF]. *Lex Russica*. 2018. Issue 11. Pp. 134-144. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.134-144

20. Mishin A.A. Constitutional (State) Law of Foreign Countries [Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran]. Moscow, 2013. 520 p. (In Russ.).

21. Pevtsova N.S. On new Approaches to the Process of Establishment of the Supreme Legislative Authorities of Russia [Onovyh podhodah k processu formirovaniya vysshih organov zakonodatel'noj vlasti Rossii]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-government*. 2018. Issue 8. Pp. 32-36. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2018-8-32-36

22. Petrova N.A., Nyrkova T.Yu. On the Issue of Changing the Procedure for Forming the Federation Council [K voprosu ob izmenenii poryadka formirovaniya Soveta Federacii]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2009. Issue 9. Pp. 18-26. (In Russ.).

23. Sayfutdinova V.M. Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation: Specifics and Perspectives [Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: specifika i perspektivy]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 2017. Issue 8. Pp. 34-42. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.81.8.034-042

24. Semenovskiy I.D. Several Aspects of State-Territorial System of Modern Federal States [O nekotoryh osobennostyah gosudarstvenno-territorial'nogo ustrojstva sovremennyh federativnyh gosudarstv]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2017. Issue 2. Pp. 38-41. (In Russ.).

25. Smolenskaya A.A. Comparative Analysis of the Status of a Deputy of the State Duma and a Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation [Sravnitel'nyj analiz statusa deputata Gosudarstvennoj Dumy i chlena Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya RF]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2012. Issue 6. Pp. 47-51. (In Russ.).

26. Smolenskaya A.A. Formation of the Federation Council: Evolution and Current Condition [Formirovanie Soveta Federacii: evolyuciya i sovremennoe sostoyanie]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2012. Issue 10. Pp. 34-38. (In Russ.).

27. Federation Council: Evolution of Status and Functions; ed. by L.V. Smirnyagin [Sovet Federacii: evolyuciya statusa i funkcij]. Moscow, 2003. 453 p. (In Russ.).

28. Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed. by D.N. Ushakov [Tolkovjy slovar' russkogo yazyka]. Moscow, 2007. 752 p. (In Russ.).

29. Trubilov G.V. Russian Parliamentarism Reform Project: the Establishment Procedure and the Key Authorities of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation [Proekt reformy rossijskogo parlamentarizma: poryadok formirovaniya i osnovnye polnomochiya palat Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2018. Issue 8. Pp. 14-18. (In Russ.).

30. Filippova N.A. Federation Council of the Federal Assembly of Russia: Strategy of Reform and its Legal Provisions [Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: strategiya reformy i ee pravovoe obespechenie]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk — Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2012. Issue 12. Pp. 420-435. (In Russ.).

31. Filippova N.A. Federation Council: Reform Strategy in the Context of Legal Integration of the Russian State [Sovet Federacii: strategiya reformy v kontekste pravovoj integracii Rossijskogo gosudarstva]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo — Constitutional and Municipal Law*. 2012. Issue 6. Pp. 43-46. (In Russ.).

32. Chervinskaya A.P. On the Correlation between the Concepts of Parliamentarism and Popular Representation [K voprosu o sootnoshenii ponyatij «parlamentarizm» i «narodnoe predstavitel'stvo»]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo — Constitutional and Municipal Law*. 2019. Issue 6. Pp. 50-56. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мадаев Евгений Олегович (Улан-Удэ) — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6, e-mail: madaeo@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Madaev, Evgeny O. (Ulan-Ude) — PhD in Law, Ass. Professor, Department of International Law, Dorji Banzarov Buryat State University. (Sukha Bator str., 6, Ulan-Ude, 670000, e-mail: madaeo@mail.ru).